

УДК 008+7.1+8
ББК 71+80
Ф 54

Ф 54 **Филология и культурология: современные проблемы и перспективы развития: сборник материалов 9-й международной научно-практической конференции**, (г. Махачкала, 18 июля, 2014г.) - Махачкала: ООО "Апробация", 2014 — 91 с.

ISBN 978-5-906616-46-3

Сборник включает материалы 9-й международной научно-практической конференции "Филология и культурология: современные проблемы и перспективы развития", проведенной Научно-издательским центром «Апробация» 18 июля 2014г.

В настоящем сборнике представлены статьи ученых, аспирантов и студентов ВУЗов Российской Федерации и стран ближнего зарубежья. В нем рассматривается широкий круг по актуальным проблемам филологии, языкознания и культурологии.

Материалы сборника могут быть использованы научными работниками, аспирантами и студентами в научно-исследовательской, учебно-методической и практической работе.

Члены редакционного совета (НИЦ «АПРОБАЦИЯ»):

Токтарова Наима Камаловна - *доктор филологических наук, профессор.*
Семиляк Валентина Ивановна - *кандидат филологических наук, доцент.*

ФИЛОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

*сборник материалов
IX Международная научно-практическая конференция,
г. Махачкала, 18 июля 2014г.*

ISBN 978-5-906616-46-3

УДК 008+7.1+8
ББК 71+80

Махачкала, 2014 г.

© Коллектив авторов, 2014
© НИЦ «Апробация», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

<i>Загайтоков А.Х., Кулимова Р.Х.</i> ПРОБЛЕМЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО И КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКОВ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ.....	5
<i>Сирожидинов Ш.Ш.</i> ИЗОГЛОССЫ ЗАИМСТВОВАНИЯ В МИКРОАРЕАЛЕ КОНТАКТИРОВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО, НЕМЕЦКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ.....	9
<i>Тимофеева Н.Ю.</i> СИМВОЛИЗАЦИЯ ЗНАЧЕНИЯ И СТРУКТУРА КОНЦЕПТА.....	18
<i>Тиригулова Р.Х., Ибрагимова Э.Р.</i> ОБ ЭМПОРОНИМАХ ЕЛАБУГИ В ИХ ФУНКЦИОНАЛЬНО-КЛАССИФИКАЦИОННОМ ОСВЕЩЕНИИ.....	22
<i>Чепель Н.П.</i> К ВОПРОСУ ОБ АДЕКВАТНОЙ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ФОНОВЫХ ЗНАНИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ.....	25

ТЕКСТ КАК ОТРАЖЕНИЕ МЕНТАЛИТЕТА НАРОДА И ИНДИВИДА В ЭСТЕТИКЕ СЛОВЕСНОГО ТВОРЧЕСТВА

<i>Алтухова О.Н., Игнатенко О.П.</i> ИМПЛИЦИТНЫЕ ОНОМАСТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. ПЕЛЕВИНА).....	30
<i>Ананьина М.А., Ускова Б.А.</i> ОСОБЕННОСТИ АЛЛЮЗИВНЫХ АНТРОПОНИМОВ В РОМАНЕ «ФОРРЕСТ ГАМП» У. ГРУМА.....	33
<i>Бурдь Т.В.</i> МОТИВ КОСМИЧЕСКОЙ ЛЮБВИ В ПЕСЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ Г.М.Т. САМНЕРА (СТИНГА).....	35
<i>Голованова О.И.</i> ТЕКСТ КАК МОДЕЛИРУЮЩАЯ СИСТЕМА МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ.....	38
<i>Яркаева Э.Д., Иванова А.М.</i> К ПРОБЛЕМЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ.....	40

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА РАЗНЫХ ЭПОХ В СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ И КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

<i>Шарлаимова Г.Т.</i> РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В РОМАНЕ Э. ПИРСОН «I DON'T KNOW HOW SHE DOES IT».....	44
---	----

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МЕТОДЫ. ШКОЛЫ. НАПРАВЛЕНИЯ, ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СИСТЕМЫ

<i>Бабенко И.А.</i> К ВОПРОСУ О ФУНКЦИЯХ ГРОТЕСКА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ.....	50
--	----

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

<i>Вишневецкая Г.В.</i> РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ ПОДРОСТКА В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ УСЛОВИЯХ.....	52
<i>Хачетлова С.М., Кулимова Р.Х.</i> ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА В ОБРАЗОВАНИИ И ВОСПИТАНИИ ДОШКОЛЬНИКА.....	54
<i>Чукреева М.А.</i> ВИДЫ КНИГ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ.....	58

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ОПЫТ РЕГИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

<i>Харченко Е.И.</i> КОНЦЕРТЫ ДУХОВНОЙ МУЗЫКИ В КИЕВЕ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ (1900 – 1917г.) И ИХ ИСПОЛНИТЕЛИ.....	60
---	----

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ КУЛЬТУРЫ (СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ КУЛЬТУРЫ И КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ)

<i>Гальчук О.В.</i> СОДРУЖЕСТВО ИСКУССТВ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОГО И ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ.....	63
<i>Лях В.И.</i> КУЛЬТУРОГЕНЕЗ КАК ПРОБЛЕМА ТЕОРИИ И ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ.....	65
<i>Романенкова Ю.В.</i> МОЛОДЕЖНОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ КАК СТИМУЛ ДЛЯ АКТИВИЗАЦИИ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	67
<i>Садовенко С.Н.</i> ОСМЫСЛЕНИЕ ДИНАМИКИ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ.....	69
<i>Юнеева Е.А.</i> ВЛИЯНИЕ БАРОЧНЫХ ТРАДИЦИЙ НА ТВОРЧЕСТВО КОМПОЗИТОРОВ XX-XXI ВЕКОВ.....	74

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ: СВОЙСТВА И УСЛОВИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

<i>Вязигина С.Ю.</i> ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ.....	76
<i>Мадиярова Д.А., Чернова О.Е.</i> ПРОЕКТ ДЕТСКОГО ЖУРНАЛА «МАТРЕШКА».....	79
<i>Румко Ж.П.</i> ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ УКРАИНСКОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ.....	81
<i>Тибилова М.И.</i> ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ УПОТРЕБЛЕНИЯ АББРЕВИАТУР В ЯЗЫКЕ СМИ.....	84
<i>Чернова О.Е.</i> СКАНДАЛ В АСПЕКТЕ ФРЕЙМОВОГО ПОДХОДА.....	89

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Загайтоков Айса Хусинович,

доктор педагогических наук, профессор кафедры МДНО педагогического факультета, Кабардино-Балкарский Государственный университет

Кулимова Рима Хусеновна,

кандидат пед. наук, доцент кафедры МДНО педагогического факультета, Кабардино-Балкарский Государственный университет, г. Нальчик

ПРОБЛЕМЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО И КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКОВ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Аннотация: В статье дается описание различий в морфологической системе родного (кабардинского) и изучаемого (русского) языков. Основным выводом статьи явилось утверждение о том, что источником интерференции в процессе обучения русскому языку учащихся начальных классов является особенности морфологического строя родного языка в сопоставлении с русским, которые необходимо учитывать при разработке методики преподавания изучаемого (русского) языка в кабардинской школе.

Ключевые слова: сопоставительное изучение языков, билингвизм, билингвальная языковая личность, сопоставительно-типологическое описание языков, сопоставительный метод, контрастная лингвистика.

Официальная языковая политика в России, в том числе и в Кабардино-Балкарии, на современном этапе находится на пути поисков рационального решения вопросов развития и взаимодействия языков.

В условиях национальной школы изучение русского языка как второго должно способствовать формированию *билингвальной языковой личности*.

Билингвальное обучение создает благоприятную среду и влияет на развитие самых разных интеллектуальных и личностных свойств. Система двуязычного образования – это параллельное обучение в единой концепции двум языкам.

В теории билингвизма (двуязычия) известны многочисленные попытки определить и четко обозначить это сложное явление. Наиболее узким является понятие билингвизма, которое принято называть лингвистическим, когда под двуязычием понимается одинаково совершенное владение двумя языками (О.С. Ахманова).

Однако и среди лингвистов нет единства в понимании и интерпретации данного термина. Одни лингвисты называют его «практикой попеременного пользования двумя языками» [16, С.3], для других двуязычие – «владение двумя языками и регулярное переключение с одного на другой в зависимости от ситуации общения» [30, С.76-79]; или «хотя бы приблизительно одинаково свободное пользование различными языками в любой обстановке, в том числе и в семье» [1, С.276]. По мнению Е.М. Ахунзянова, истинное двуязычие предполагает равную или приближающуюся к равной степени владения и употребления, как в речи, так и в мыслительном процессе двух языков, регулярно взаимодействующих друг с другом в важнейших сферах общественной деятельности.

Широкое распространение получила точка зрения В.Н. Ярцевой, согласно которой под двуязычием «понимается способность отдельного индивидуума,

или народа в целом, или его части общаться (добиваться взаимопонимания) на двух языках» [71, С.5].

В современной лингводидактике преобладает широкое понимание термина: билингвом может считаться тот индивид, который в той или иной мере владеет обоими языками и пользуется тем и другим в своей речевой практике. «Двуязычие – это умение, навык, позволяющие человеку или народу в целом, или его части попеременно пользоваться (устно или письменно) двумя разными языками в зависимости от ситуации и добиваться взаимного понимания в процессе общения». [12, С.44]. При таком понимании (мы будем придерживаться данной позиции) уже ученик начальной национальной школы, который начинает писать и читать на родном и русском языках, а также учиться изъясняться по-русски, уже является билингвом.

Различия между языками, обусловленные различием культур, заметнее всего в процессе изучения языков. Выявлению этих общностей и различий, трудностей понимания и преодолению этих трудностей, на наш взгляд, необходимо посвятить часть работы учителя-практика.

Напомним о простой истине, которая известна студентам, преподавателям и учителям: учащиеся национальной школы в своей устной и письменной речи на русском языке обычно допускают значительное количество ошибок. При этом одни ошибки носят случайный характер и бывают обусловлены какими-либо индивидуальными причинами; другие же ошибки носят вполне регулярный характер и наблюдаются почти у всех носителей определенного языка.

Таким образом, речевые ошибки с достаточной степенью очевидности указывают на то, что различная структура фонологических и морфологических систем, равно как различия в структуре предложения родного и изучаемого языков, зачастую служат источником тех трудностей, которые возникают перед учащимися, изучающими язык, и которые приходится учитывать при разработке методики преподавания изучаемого (русского) языка.

Отсюда явствует: чтобы успешно обучать данному языку, преподаватель (или учитель средней школы, начальных классов) должен, во-первых, отлично в профессиональном и практическом плане знать свой предмет; во-вторых, уметь правильно сопоставлять и учитывать особенности структуры и словарного состава родного языка учащихся. Что касается последней мысли, то здесь следует отметить следующее.

Типология языков как один из разделов языкознания зародилась в конце XVIII - начале XIX вв. в связи со знакомством ученых с большим числом языков самой разнообразной структуры. Предмет лингвистической типологии – сравнительное изучение структурных и функциональных свойств языков независимо от характера генетических отношений между ними.

Типология – один из двух основных аспектов изучения языка наряду со сравнительно-историческим аспектом. Типологическое исследование может иметь различные, но взаимосвязанные цели: констатацию структурных сходств и различий между языками.

В последние десятилетия стало развиваться еще одно направление в типологии – сравнительно (составительно) - типологическое [2, С.21]. Сопоставительно-типологические исследования дают возможность, по мнению В.Д. Аракина, разрешить многие общие методические проблемы:

1) проблему диагностирования трудностей фонологического, слогового, морфемного, морфологического и синтаксического уровней, трудностей, с

которыми учащийся неизбежно столкнется и которые ему придется преодолеть в процессе овладения иностранным языком;

2) проблему отбора необходимого языкового и речевого материала с учетом особенностей структуры обоих языков и определения последовательности расположения учебного материала;

3) проблему методического прогнозирования и последующей разработки эффективной системы методических приемов для более доходчивого объяснения учебного материала, для создания системы рациональных упражнений, для закрепления, дальнейшей автоматизации и разработки системы контроля знаний, умений и навыков;

4) проблему создания научно обоснованной системы учебников практических курсов по иностранным языкам.

Типологическое описание отдельных языков должно, прежде всего, опираться на индивидуальные особенности языков. Именно такое описание необходимо для двустороннего (бинарного) сопоставления языков с целями прикладного характера и разработки методики преподавания неродного языка [7]. Разрабатывая лингвистические основы методики преподавания русского языка в национальной школе, авторы большинства трудов всё своё внимание сосредоточивают на сопоставительном (билингвальном) анализе систем русского и родного языка учащихся.

Причины повышения интереса к сопоставительному изучению языков в нашей стране – это: 1) возрастающая роль русского языка как государственного и языка межнационального общения; 2) интенсификация взаимодействия и взаимообогащения языков народов России; 3) стремление улучшить преподавание и изучение русского языка в многонациональных республиках Российской Федерации; 4) признание учета родного языка в качестве одного из ведущих принципов преподавания неродного (русского) языка (В.М. Чистяков, И.В. Баранников, Н.К. Дмитриев, Н.З. Бакеева, Н.М. Шанский и др.).

Возросший интерес к данной проблеме не случаен для современной лингвистической и лингводидактической науки. Прежде всего, сопоставление как метод [8] изучения различных языков имеет ряд

преимуществ, позволяя глубже проникнуть в строй исследуемых языков и обнаружить новые лингвистические факты и явления, которые остаются вне поля зрения при их отдельном рассмотрении. По мнению А.А. Реформатского, сопоставительный метод принципиально прагматичен, он направлен на определенные прикладные и практические цели, что отнюдь не снимает теоретического аспекта рассмотрения его проблематики.

Однако, языкознание в целом не уделяло этому направлению должного внимания, занимаясь в основном сравнительно-историческим изучением родственных языков. Многие лингвисты, впрочем, не шли этим общим путем. Среди них были такие ученые, как В. Гумбольдт, Г. Шухардт, Б. Уорф Ф.Ф. Фортунатов, И.А. Бодуэн де Куртэнэ и другие, занимавшиеся сопоставлением самых различных языков вне зависимости от их структуры и происхождения. Следует отметить, что на возможность сопоставительного исследования (в отличие от сравнительно-исторического) указывали в свое время также Ф. де Соссюр, Ш. Балли, в работе которого «Общая лингвистика и вопросы французского языка» делалась попытка последовательного сопоставления французского языка с немецким. В этой книге сформирован принцип сопоставительного изучения (с синхронной или, как говорит автор, «статической» точки зрения). Таким образом, идея о целесообразности сопоставления неродственных языков имеет длительную историю.

О пользе сопоставления различных языков неоднократно говорили А.А. Потебня, Е.Д. Поливанов, Л.В. Щерба и др.

В целом оформление сопоставительного исследования в особую область языкознания произошло в 50-е годы прошлого столетия (Р. Ладо, Ч. Фриз и др.).

В настоящее время работа в этом направлении значительно возросла. Об этом свидетельствует большое число статей, диссертаций и монографий, написанных в нашей стране и за рубежом, в которых последовательно разбираются вопросы сопоставительной лингвистики.

Список литературы:

1. Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. М., 1975. 276 с.
2. Аракин В.Д. Типология языков и проблема методического прогнозирования. Учебное пособие для студентов и преподавателей педвузов. М.: Высшая школа, 1989. С.6,11-12,21.
3. Бакеева Н.З. О лингвистических основах методики русского языка в национальной школе. В кн.: Вопросы методики обучения русскому языку учащихся национальной школы. - М.: Педагогика, 1976. С.34-35.
4. Баранников И.В. Русская речь. Методическое руководство к учебнику для подготовительного класса с многонациональным составом учащихся.-Л.: Просвещение, 1984.-93с.
5. Блягоз З.У. Двужычие: сущность явления, формы его существования. Интерференция и ее разновидности.- Майкоп, 2006.- 150с.
6. Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и перспективы /У.Вайнрайх. Киев, 1979. С.3.
7. Джидалов Н.С. Русско-дагестанское двуязычие как социолингвистическое явление и объект исследования //Н.С. Джидалов. Русский язык и языки народов Дагестана. Сб. науч. тр. Махачкала, 1977,С.76-79.
8. Загайтоков А.Х. Методика преподавания русского языка в условиях новой языковой ситуации.-Нальчик,1996.-169 с.
9. Реформаторский А.А. О сопоставительном методе. В кн.: Лингвистика и поэтика.- М.,1987., С.40.
10. Шанский Н.М.. Сопоставление как один из методических приемов обучения русскому языку нерусских

Сирожиддинов Шохрух Шухратович,
преподаватель, Самаркандский институт иностранных языков,
Узбекистан, г. Самарканд

ИЗОГЛОССЫ ЗАИМСТВОВАНИЯ В МИКРОАРЕАЛЕ КОНТАКТИРОВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО, НЕМЕЦКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ

Аннотация: Рассматриваются закономерности проявления семантико-типологического тождества (сходства) в английском, немецком и французском языках в аспектах общности историко-культурного субстрата и разрабатываются принципы оформления заимствований в виде системы изоглоссов на основе различных проявлений межъязыковой семантической эквивалентности.

Ключевые слова: изоглоссы, заимствования, микроареал, межъязыковая общность, языковые контакты, типологическое сходство, межъязыковая эквивалентность, калькирование, культурно-историческая информация.

В последние десятилетия повышенное внимание лингвистов направлено на изучение проблем межъязыковых отношений и связанных с ними специфических процессов и явлений [11, с. 24-26]. Определенное место среди них занимает межъязыковая общность [1, с. 20-21]. В немалой степени это объясняется интенсификацией исследований в области теории языковых контактов [10], двуязычия [13], в целом в области социолингвистики [7] и этнолингвистики [9; 14], а также все большей активизацией типологических и синхронно-сопоставительных штудий [3], стимулируемых бурным развитием различных форм межнациональных и межкультурных отношений [10, с. 26-27; 12, с. 440-448].

В близкородственных языках материальное тождество обычно сопровождается высокой степенью типологического сходства [1, с. 10-11; 4, с. 124-125], часто ограниченного теми или иными языками данной группы (например, это английский и немецкий языки).

Единство материального тождества и сравнительно-типологического сходства обуславливает легкость идентификации составляемых единиц (например, фразеологических единиц – ФЕ) носителями близкородственных языков: англ. *gaga avis* («белая ворона») – нем. *ein weißer Rabe*; англ. *a life and death struggle* («борьба не на живот, а на смерть») – нем. *ein Kampf auf Leben und Tod*.

Типологически сходными могут оказаться параллельные ФЕ близкородственных языков, отождествляемых на основе сходства графических и звуковых оболочек: англ. *split* – нем. *Naare spalten*; англ. *end in the gutter* – нем. *j-d wird in der Gosse enden*; англ. *go to bed* – нем. *ins Bett gehen*.

Обычно чем отдаленнее оказывается родство соотносимых языков, тем менее различимым становится материальное сходство. Однако не всегда бывает так. Высокая степень материального сходства как результат языковых, культурно-исторических связей может наблюдаться между ФЕ языков, находящихся в разных отношениях родства: рус. «манна небесная» - нем. *Manna vom Himmel* – фр. *manne céleste* – ит. *la manna cielo* – исп. *el maná celestial* – рум. *mana din cer*; англ. *pay one's debt to* (или *the debt of*) *nature* – нем. *der Natur seinen* (или *den*) *Tribut entrichten* (или *zollen*) – швед. *ge sin tribut åt naturen* – фр. *payer le tribut à la nature* – ит. *pagare il tributo alla natura* – исп. *pagare el tributo a la naturaleza* (ср. лат. *pagare debitum naturae*).

В подобных случаях нередко отождествление в пределах близкородственных языков оказывается сложнее, чем в рядах языков с отдаленным родством. Ср., например, романо-германские параллели: англ. *Forbidden fruit* («запретный плод») – нем. *die verbotene Frucht* – швед. *förbjuden frukt* – ит. *frutto proibito* – исп. *fruto prohibido* – рум. *fruct oprit*. Или это ФЕ английского и французского языков и ФЕ французского с параллелями других романских языков: англ. *the massacre of the innocents* – фр. *massacre des innocents* – ит. *la strage degli innocenti* – исп. *degollación de los inocentes* – рум. *țâierea pruncilor*.

Материально тождественные ФЕ близкородственных языков могут иметь значительные семантические расхождения, нередко ведущие к межъязыковой омонимии [2, с. 26]. В целом это не только придает тождеству определенную относительность, но и в случаях полного несовпадения значений ФЕ переводит их в разряд неэквивалентных соответствий [3, с. 224-225].

Ср. значения следующих языковых пар: ит. *battere in breccias* – 1) пробить брешь; 2) разбить (или разнести) в пух и прах – фр. *battre en brèche* – 1) проорвать позиции противника; 2) вести наступление (на...), яростно нападать; 3) подрывать, расшатывать, подкапывать; ит. *prendere corpo* – 1) затвердеть; 2) осуществиться ≠ фр. *prendre corps* – оформиться; стать четким, ясным; ит. *prendere la mano* – 1) понести (о лошади); 2) отбиться от рук ≠ фр. *prendre la main* – 1) карт. получить первый ход; получить первую сдачу, начать игру; 2) карт. снять колоду; 3) юр. получить согласие договаривающихся сторон; ит. *far breccias* – произвести впечатление; убедить ≠ фр. *faire brèche* – пробить брешь в чем.-л.; нанести урон и мн. др.

Известная степень общности культурного субстрата, социальных отношений, исторического развития в целом, характерная для носителей европейских (особенно германских и романских языков) определяет высокую степень их конвергенции [4, с. 328-329].

В качестве примеров ФЕ, характеризующихся закономерным сходством лексического состава и фразеологического образа, могут служить следующие параллели: англ. *be pressed for money* – фр. *être pressé d'argent*; англ. *crush in the egg* – фр. *écraser dans l'oeuf*; англ. *before the ink is dry* – фр. *l'encre n'avait pas séché...*; англ. *beat smb. black and blue* – нем. *(j-n) braun und blau schlagen*; англ. *wear the breeches* – нем. *die Hosen anhaben*; англ. *hit the nail on the head* – нем. *den Nagel auf den Kopf treffen*; англ. *nails in mourning* – фр. *avoir les ongles en deuil* (или *en demideuil*) – ит. *unghie listate a lutto* (или *bruno*); англ. *to be short of money* – фр. *être à court d'argent* – ит. *esser corto a denari*; фр. *hausser* (или *lever*) *la coude* – ит. *alzare il gomito* – исп. *empinar el codo*; фр. *coup de main* – ит. *coplo di mano* – исп. *golpe de mano* и мн. др.

В одну и ту же изоглоссу могут включаться как независимо возникшие образования, так и заимствования. Ср., например, ряд, в котором калькированной формой является ФЕ английского языка: англ. *white night* с фр. *nuit blanche*.

Во многих случаях межъязыковые генетические отношения не представляются достаточно ясными. Ср., например, следующий ряд: рус. «между четырёх глаз» - нем. *unter vier Augen* – фр. *entre quatre yeux*.

Отдельные звенья фразеологических цепей могут быть представлены разнотипными ФЕ, например: лат. *vox populi* в английском и русском языках – нем. *die Stimme die Volkes* – ит. *voce publica* и т.д.; англ. *put on the buskin* (или *buskins*) – фр. *chausser le cothurne* и т.д.

Ср. также ещё частные минимальные изоглоссы: нем. *aufgewärmtter Kohl* – ит. *cavolo riscaldato*; ит. *avere le mani in pasta* – англ. *have a finger in the pie* и др.

Особенность данных явлений заключается не столько в ограниченности языковых рядов (ряды могут быть не только предельно малыми), хотя и это обстоятельство весьма существенно, сколько в их языковом составе [3, с. 88].

Частные минимальные изоглоссы пересекаются с пучками полных общеареальных и субареальных изоглосс, а также с изоглоссами, имеющими относительно ограниченное, но регулярное распространение. Это свидетельствует о возможности возникновения благоприятных условий для новых стабильных межъязыковых сближений [9, с. 320-321].

Языковые явления, понятия и т.д. по одним параметрам и функциям, могут оказаться равными в определенном отношении, по другим – различными. Это объясняется сущностью любого языкового явления, представляющего собой сложную совокупность присущих ему сторон и внутренних связей. Существенным обстоятельством, влияющим на равенство, является также условие функционирования языковых единиц [7, с. 18-19].

Фразеологический эквивалент как сложное языковое явление должен найти соответствующее понятийное определение, в котором, прежде всего, учитываются и выделяются его внутренние, ведущие стороны, их связи и действия, проверенные в одинаковых условиях. В качестве рабочего приёма определения эквивалентности ФЕ принимается межъязыковая фразеологическая субституция [8, с. 30].

Рассмотрим вопрос о роли разных сторон фразеологических совпадений для установления границ и степени межъязыковой фразеологической эквивалентности.

Для примера вначале сопоставим ФЕ одинаковых лексико-грамматических разрядов, выделяемых на основе категориальных значений и функций. Так, субстантивные ФЕ англ. *hot head* – фр. *billet doux* (рус. «крапивное семя») в предложении выполняют определенные синтаксические функции, свойственные существительному. Данные фразеологизмы как единицы речи имеют одинаковые, совпадающие (эквивалентные) синтаксические функции. Но это не дает основания считать их фразеологическими эквивалентами. Совпадение синтаксических функций не главный критерий при определении межъязыковой эквивалентности. Не делает эквивалентными ФЕ и совпадение их категориальных значений.

Не всегда свидетельствует об эквивалентности и одинаковое лексическое наполнение, сходство внутренней формы ФЕ. Нередко значения таких фразеологизмов могут полностью расходиться (это уже будут межъязыковые фразеологические омонимы): нем. *j-m über den Weg laufen* («(случайно) повстречать кого-л.») ≠ рус. «перебегать кому-л. дорогу» - «опережать кого-л. в чём-л.», «перехватывать то, на что рассчитывал другой»; нем. *die (или seine) Fühler ausstrecken (bei j-m)* «разузнавать, выведывать у кого-л. что-л.» ≠ рус. «протягивать щупальца» - «стремиться завладеть чем-л. и мн. др.

Несомненно, что основным признаком определения межъязыковой фразеологической эквивалентности следует считать совпадение содержательной стороны соотносимых ФЕ (семантическая эквивалентность). Верхний порог межъязыковой фразеологической эквивалентности представлен пластом материально, семантически и структурно отождествляемых ФЕ типа лат. *ad patres, modus vivendi*, фр. *carte blanche, coup de grâce*, которые получили наибольшее распространение в европейских языках. Это единственная группа

международных фразеологизмов, характеризующихся максимальной степенью однородности материального совпадения. Исключительность их фонографического совпадения обеспечивает легкость синхронической идентификации. Совокупное сходство всех сторон фактически поднимает сближение данных ФЕ до степени тождества. Однако их тождество носит относительный характер. Изучение специфики тождества и её причинной обусловленности переводит рассмотрение данной группы в сопоставительно-историческую плоскость [13, с. 8].

Истоком большинства ФЕ, вошедших в европейские языки без перевода, является латинский язык. Это такие выражения, как: *cum grano salis; magister bibendi; mutatis mutandis; periculum in mora; pollice verso* и мн. др.

Истоком многочисленных нетранслитерированных ФЕ является и французский язык: *à tout prix; embarras de richesses; tour de force; profession de foi; le mieux est l'ennemi du bien* и мн. др.

Число заимствований из английского и немецкого языков также значительно: англ.: *fair play; happy end; high life; to have a finger in the pie; My bark is on the sea – And my boat is on the shore; my house is my castle; my dear friend; last, but not least; self-made man; the rest is silence* и др.; нем.: *den Sack schlägt man, den Esel meint man; der Mohr hat seine Arbeit getan, der Mohr kann gehen; im Werden; Not kennt kein Gebot; der langen Rede kurzer Sinn* и др.

Наряду с иноязычными ФЕ, однородными по своему составу, имеются немногочисленные фразеологические разноязычные соединения, в число которых входят и термины: *ut majeur* (лат. + фр.); *si bimol mineur* (лат. + фр.); *semper excelsior* (лат. + англ.); *my native land, adieu* (англ. + фр.); *logisch conséquent* (нем. + фр.) и др.

Основными истоками ФЕ, вошедших в английский язык в их оригинальной форме, являются латинский и французский языки (например, лат.: *sancta simplicitas; sanctum sanctorum; pia desideria; tangere ulsus; homo novus; in extremis* и мн. др.; фр.: *coup mangué; à la belle étoile; à perte de vue; en plein jour; raison d'être* и мн. др.). Заимствования данного типа из других языков относительно малочисленны (например, нем.: *Sturm und Drang* и др.).

Подавляющее большинство ФЕ, вошедших во французский язык в иноязычной форме, также как в английский, имеют латинское происхождение (например: *sanctum sanctorum; amicus humani generis; ex cathedra; taedium vitae; ultima ratio regum; currente calamo* и мн. др.). Число заимствований из английского также велико (например, англ.: *walk-over; at home; god save the king; the right man in the right place; for ever* и мн. др.). Заимствования данного типа из других языков немногочисленны (например, нем.: *Mehr Licht; Vergiss mein nicht* и др.).

Относительность тождества рассматриваемых ФЕ обуславливается их преобразованиями на разных уровнях структуры и, в первую очередь, на уровне формы. В большей степени это касается случаев различия в графике. Материальная неоднородность ФЕ с иной графической оболочкой может быть устранена не только путем калькирования, но и посредством фонографической стилизации (транслитерации). Ср. параллельное существование иноязычных ФЕ и образованных от них калек.

В английском языке – латинские ФЕ и кальки: *in articulo mortis – in the article of death; cum grano salis* (разг. *cum grano*) – *receive* (или *take*) *smth. with a grain of salt; bona fides – good faith; ad calendas Graecas – at* (или *on*) *the Greek calends; pro et contra* (сокр. *pro et con*) – *pro and con* (тж. *pros and cons*); *lulus naturae – freak of nature; divide et impera – divide and rule; tabula rasa – a blank*

sheet; sapienti sat сокр. от *verbum sat sapienti (est) – a word to the wise* (тж. *a word is enough to the wise*) и мн. др.; французские ФЕ и кальки: *Chevalier sans peur et sans reproche – Knight without Fear and without Reproach; à tout prix – at all costs; coup de grâce – stroke of grace; faux pas – false step; idée fixe – a fixed idea; jeunesse dorée – gilded youth; nouveau riche – the new rich; revenons à nos moutons – let us return to our muttons; home de letter – a man of letters* и мн. др.;

В французском языке – латинские ФЕ и кальки: *finis coronat opus – la fin couronne l'oeuvre; divide ut regnes – diviser pour régner; mens sana in corpora sano – une âme saine dans un corps sain; ad maiorem Dei gloriam – pour la plus grande gloire de Dieu; in articulo mortis – à l'article de la mort* (тж. *sur le lit de mort; au lit de (la) mort*) и мн. др.

Новое семантическое целое, заключенное первоначально в ФЕ, заимствованных в оригинале, приобретает дополнительную форму существования. Параллельное калькирование образует дополнительный тип межъязыковой фразеологической общности и ведет к расширению фразеологического фонда адаптирующего языка. Отсутствие же во многих сопоставляемых языках аналогичных калькированных форм сообщает материальному тождеству большую устойчивость.

Укоренение калькированных форм может сопровождаться отпадением их прототипов. Вот несколько примеров английских и французских фразеологических калек, прототипы которых не употребляются в соответствующих языках: в английском языке: *a fault confessed is half redressed* с фр. *faute confessée est à demi pardonnée; in one's shirt sleeves* (или *shirt-sleeves*) с фр. *en bras de chemise; black shirt* с ит. *camicia nera; a nail's breadth* с лат. *transversum unguem; hunger is the best sauce* с лат. *fames optimum condimentum* и др.; во французском языке: *le chat aime le poisson, mais il n'aime pas à mouiller la patte* с лат. *catus amat piscem, sed non vult tingere plantam; ce qui abonde ne vicie* (реже *ne nuit*) с лат. *quod abundat non vitiat* и др. В подобных случаях происходит не только сокращение числа интернациональных форм, но и их качественное преобразование: материально тождественные ФЕ переходят в разряд изоморфических соответствий (это как бы средний порог эквивалентности).

Встречающиеся лексические и грамматические расхождения также придают материальному тождеству относительный характер. Передача всего объема лексического наполнения прототипов (этимонов), как правило, происходит в случае отсутствия у них вариантов. Заимствование вариантов прототипов наблюдается редко. Примером принятия прототипов с их вариантами могут служить следующие ФЕ, употребляющиеся в русском языке: лат. *satur* (или *plenus*) *venter non studet libenter; lat. sublata causa, tollitur morbus* (или *efectus*); фр. *pas* (или *point*) *de nouvelles – bonnes nouvelles*.

Уменьшение тождественности может возникать в результате:

1) первоначального непринятия или последующего элиминирования вариантов прототипов: в английском языке – *beau garçon* с фр. *beau* (или *joli*) *garçon*; во французском языке – *audaces fortuna juvat* с лат. *audaces* (или *audentes*) *fortuna juvat*;

2) деривации (ср. обособление части иноязычных ФЕ, сопровождаемое переосмыслением значения в адаптирующих языках: лат. *tertius gaudens – третье лицо, извлекающее выгоду из борьбы двух противников* (букв. «третий радующийся») – происходит от латинской пословицы *duobus certantibus tertius gaudet* – когда двое дерутся, радуется третий; лат. *vox populi – глас народа* (об общественном мнении) – часть пословицы *vox populi, vox dei* – глас народа, глас божий);

3) редукции (ср. в английском – лат. *cum grano salis – разг. sam grano*);

4) несовпадения неполных форм иноязычного источника (ср. англ. *rule, Britannia, the waves* в русском и англ. *rule, Britannia* во французском – начальные слова английского национального гимна);

5) появления варианта написания оборота через дефис (например, в английском языке: фр. *savour vivre*, тж. *savoir-vivre*; фр. *savoir faire*, тж. *savoir-faire*) и др.

Тенденция к сохранению тождества проявляется, например, в образовании в ряде случаев множественного числа по правилам языка-источника. Ср. лат. *ignes fatuus* (мн. ч. *ignes fatui*) и фр. *bel esprit* (мн. ч. *beaux esprits*) в английском языке.

Наблюдаемое синтаксическое приспособление к языку-рецептору свидетельствует о стремлении к ассимиляции. Ср., например, в английском языке фр. *au fait – «на высоте положения»* (обыкновенно *au fait at* или *in*; тж. *put smb. au fait of* или *with = фр. mettre au fait de – «вести в курс дела»*). Транслитерация, возможная в языках с различной графической системой, также создает дополнительный тип межъязыковой общности.

Межъязыковые семантические отношения параллельных иноязычных ФЕ основываются на существовании семантического инварианта. Обычно он представляет собой совпадение стержневых значений. Семантический остаток части несовпадающих смысловых структур оказывается соотносительным.

Наблюдаемые расхождения семантических структур связаны с проявлением трех основных направлений их развития: 1) возникновение специальных значений, 2) возникновение новых переносных значений, 3) функциональное семантико-грамматическое переоформление, обусловливаемое чаще всего типом используемого переноса и изменением (сужением или расширением) семантического объема.

Межъязыковые фразеологические соответствия, характеризующиеся частичным фонографическим сходством, семантическим инвариантом и структурной соотносительностью, также составляют верхний порог эквивалентности. Ср., например, следующие ФЕ: англ. *Draconian laws* («драконовские (или драконы) законы») – нем. *drakonische Gesetze* – фр. *lois draconiennes*; англ. *the feast of Lucullus, Lucullan (Lucullian) banquet* («лукуллов(ский) пир») – нем. *ein lukullisches Mahl* – фр. *souper de Lucullus*.

В данном случае материальное тождество часто является достаточным признаком для установления семантико-образной общности. Относительность тождества ФЕ данного типа в отличие от такового у единиц с полным фонографическим сходством прежде всего состоит в его ограниченности структурной частью ФЕ и в материальной неоднородности. Эта материальная неоднородность обычно оказывается менее заметной с позиции близкородственных или ареально-контактирующих языков, что способствует в их пределах более легкому отождествлению ФЕ, например: англ. *the Galian knot* («гордиев узел») – нем. *der gordische Knoten* – фр. *noeud gordien*. Однако далеко не всегда возможно отождествление всех компонентов ФЕ близкородственных или ареально-контактирующих языков на основе близости их звуковой и/или графической оболочек. Ср., например, ряд, в котором компоненты ФЕ со значением «двуликий» оказываются материально несоотносительными: англ. *two-faced Janus* (рус. «двуликий Янус») – нем. *doppelköpfiger Janus* – фр. *Janus à deux visages*. Вместе с тем здесь встречаются ФЕ с высокой степенью материального сходства. Ср., например, ряд ФЕ со сходством ком-

понента «стена» до степени отождествления: англ. the Chinese wall («китайская стена») – нем. die chinesische Mauer – фр. La muraille de Chine (тж. la grande muraille).

Состав ФЕ с обязательным частичным материальным тождеством характеризуется неодинаковым соотношением фонографически сходных и различных частей.

1) Большая часть состава ФЕ представлена тождеством высокой степени материальной отождествляемости: англ. Alfa and Omega («альфа и омега») – нем. das Alpha und das Omega – фр. l'alpha et l'omega; англ. between Scylla and Charybdis («между Сциллой и Харибдой») – нем. zwischen Szylla und Charybdis – фр. Tomber de Charybde en Scylla; англ. Gog and Magog («гог и магог») – ит. Oga Magoga; англ. Sodom and Gomorrah («Содом и Гоморра») – нем. Sodom und Gomorra и т.д.

2) Примерно равные части состава ФЕ представлены обязательным частичным материальным тождеством и различием (средняя степень материальной отождествляемости): англ. a doubting Tomas («Фома неверный (или неверующий)») – нем. ungläubiger Thomas.

Данный тип рассматриваемого соотношения не исключает возможность ложного отождествления. Так, ложно отождествлёнными могут оказаться, например, следующие ФЕ: нем. die Mauern Jerichos при наличии нем. ФЕ die Posaunen von Jericho («иерихонская труба») – фр. tropette de Jéricho; нем. Herkules am Scheidewege при наличии нем. Herkulesssäulen («геркулесовы столпы») – англ. Hercules' Pillars (тж. the Pillars of Hercules).

3) Меньшая часть состава ФЕ представлена обязательным частичным материальным тождеством. При этом типе рассматриваемого соотношения степень материальной отождествляемости практически не снижается, например: англ. in the arms of Morpheus («в объятиях Морфея») – нем. in Morpheus Armen ruhen (или liegen) – фр. être dans les bras de Morphée и др.

Фразеологическая общность проявляется и в структурно-грамматической соотносительности. Последняя обуславливается в первую очередь универсальностью основных лексико-грамматических разрядов и структурных типов, по которым распределяются данные ФЕ: англ. Homeric laughter («гомерический хохот (или смех)») – нем. ein homerisches Gelächter – фр. rire homérique; англ. cross the Rubicon («перейти Рубикон») – нем. den Rubikon überschreiten – фр. Franchir (или passer) le Rubicon; англ. (a) old as Methuselah («стар как Мафусаил») – нем. alt wie Methusalem sein – фр. vieux comme Mathusalem и др.

Ср., еще также, например, возможность взаимозамены посессивной и постпозитивной предложно-именной конструкций-вариантов английской ФЕ при отсутствии структурных грамматических вариантов у параллелей других языков: англ. Achilles' heel (тж. the heel of Achilles) («ахиллесова пята») – фр. Talon d'Achille – нем. Achillesferse; англ. the Proctustean (тж. Proctustes') – bed (тж. the bed of Proctustes) («прокрустово ложе») – фр. Lit de Proc(r)uste.

Более серьезным препятствием для семантико-образного отождествления оказываются случаи выражения одинаковых понятий в одних языках фразеологизмами, а в других – сложными словами. Ср., например, немецкие сложные слова в следующих рядах: англ. the torments of Tantalus («муки Танталя (тж. танталовы муки)») – нем. Tantalasqualen – фр. le supplice de Tantale; англ. the sword of Damocles («дамоклов меч») – нем. Damoklesschwert. Встречаются также случаи двойного оформления понятия. Так, в немецком языке наряду со словом Ariadnefaden существует ФЕ der Faden der Ariadne.

Менее существенными в этом отношении оказываются морфологические различия, обусловленные как частичной уникализацией (артикли, видовое чередование глагольных компонентов, суффиксальные модификации и некоторые др.), так и частным проявлением общих тенденций морфологического развития (изменение числа имени существительного). Ср.: англ. go to Canossa («идти (пойти) в Каноссу») – нем. nach Kanossa gehen – фр. aller à Canossa; англ. Augean stable (или stables) («Авгиевы конюшни») – нем. Augiasstall – фр. les écuries (или les étables) d'Augias.

Ср. также следующие ряды ФЕ: англ. the thread of Ariadne (тж. Areadne's thread) («нить Ариадны») – фр. fil d'Argia(d)ne; англ. Hannibal's vow («ганнибалова (ганнибалова или аннибаловская) клятва») – фр. serment d'Annibal.

Другими примерами подобного рода вариантов, не мешающих отождествлению, могут служить следующие формы: англ. Lucullan (Lucullian) banquet; нем. zwischen Scylla (Szylla) und Charybdis и т.п.

Многие ФЕ обрастают также лексическими вариантами. Общая тенденция к лексическому варьированию ФЕ разрешается исходя из специфики лексических потенциалов, синонимических отношений и др. и находит частные проявления во фразеологических параллелях. Ср., например, лексические варианты у таких ФЕ, как: англ. a Sisyphean labour («сизифов труд») – фр. Travail (или rocher) de Sisyphe.

Распространенной является также тенденция к возникновению фразеологических пар, а иногда и большего числа ФЕ, содержащих свернутую и развернутую формы мотивирующей основы, например: нем. das Fass der Danaiden – eine Danaidenarbeit verrichten – das Fass der Danaiden füllen wollen.

Иногда подобное развитие сопровождается значительным переосмыслением: новообразованная ФЕ приобретает смысловую самостоятельность и в ряде случаев полностью порывает семантическую связь с исходными формами. Ср., например: фр. Madeleine repentante (кающаяся Магдалина, кающаяся грешница) – pleurer comme une Madeleine (плакать, как кающаяся Магдалина, горько плакать) – suer (или transpirer) comme une Madeleine (обливаться потом подобно тому, как кающаяся Магдалина обливалась слезами) – faire suer la Madeleine (арго, 1. увеличивать ставку в игре; 2. с трудом выкрутиться при шулерской игре) и т.д.

Возникновение межъязыковых параллелей со свернутыми и развернутыми формами монтирующей основы также наблюдается: рус. «гордиев узел» – «разрубать (или рассекать) гордиев узел» – англ. the Gordian knot – cut the Gordian knot – нем. der gordische Knoten – den gordischen Knoten durchhauen (lösen, zerhacken, zerhauen или zerschneiden) – фр. neud gordien – couper (или trancher) le noeud gordien; рус. «авгиевы конюшни» – «чистить авгиевы конюшни» – англ. Augean stable (или stables) – cleanse the Augean stables – нем. Augiasstall – den Augiasstall reinigen (ausräumen, ausfegen или ausmisten) – фр. les écuries (или les étables) d'Augias – nettoyer les écuries d'Augias.

Особенность ФЕ рассматриваемого типа состоит в том, что чаще всего они представлены компонентом (компонентами) с ономастической (топонимической) или чаще антропонимической основой, несущей определенную культурно-историческую информацию, нередко достаточную для определения мотивационной основы и выведения значения ФЕ (конечно, при условии, если эта информация, во-первых, достаточно эксплицитна, а во-вторых, известна носителям данных языков). Информационный компонент, как правило, оказывается семантическим центром. Но часто информативность компонента ограничивается лишь общим намеком на истоки и источники ФЕ, на некото-

рые факты (реальные же или нереальные), положенные в основу данных образований, обеспечивая, таким образом, только первое приближение к пониманию внутренней формы.

Наличие информационного компонента, содержащего яркую образную идею, оживляет этимологические ассоциации и реминисценции. Это помогает ФЕ сохранять связь с их первоисточниками.

Список литературы:

1. Antilla, Raimo. *An Introduction to Historical and Comparative Linguistics*. - New York: Macmillan, 2010. - 488 p.
2. Bablon, Frédéric. *Enseigner une langue étrangère à l'école*. - Paris: Hachette Education Supérieur, 2004. - 158 p.
3. Bates E. *Language and Context: the Acquisition of Pragmatics*. - New York: Academic Press, 2006. - 448 p.
4. Bauer, Laurie. *English Word-Formation*. - Cambridge: Cambridge University Press, 2008. - 402 p.
5. Butterworth B. *Language Production*. - Vol. 1: *Speech and Talk*. - New York: Academic Press, 2007. - 418 p.
6. Dohan M.H. *Our Own Words*. - New York: Knopf, 2009. - 324 p.
7. Fasold R.W. *Variation in the Form and Use of Language: A Sociolinguistics Reader* / Ralph W. Fasold, ed. - Washington: Georgetown University Press, 2006. - 416 p.
8. Hill A. *Introduction to Linguistic Structures*. - New York: Holt, Rinehart and Winston, 2002. - 528 p.
9. Keenan E.L. *Formal Semantics of Natural Language*. - Cambridge: Cambridge University Press, 2006. - 449 p.
10. Lieberman, Stanley. *Language Diversity and Language Contact: Essays / Selected and introd. By Anwar S. Dil*. - Stanford (Calif.): Stanford University Press, 2008. - XIV, 390 p.
11. Lyons, John. *Einführung in die moderne Linguistik*. - München: Verlag C.H. Beck, 1995. - 538 S.
12. Streadbeck, Arval L. *A Short Introduction to Germanic Linguistics*. - Boulder, Colo.: Pruett, 2008. - 564 p.
13. Tarin, René. *Apprentissage, diversité culturelle et didactique – français langue maternelle, langue seconde ou étrangère*. - Bruxelles: Editions Labor, 2006. - 309 p.
14. Yule, George. *The Study of Language*. - Cambridge: Cambridge University Press, 2005. - 525 p.

Тимофеева Наталья Юрьевна,
магистрант, ТНУ им. В.И. Вернадского, г. Симферополь

СИМВОЛИЗАЦИЯ ЗНАЧЕНИЯ И СТРУКТУРА КОНЦЕПТА

Аннотация: В статье исследуются способы символического обобщения значения и роль символа в структуре концепта. На примере поэтического контекста рассматривается специфика взаимодействия индивидуальных и национальных компонентов концепта, выявляется основной принцип символического обобщения.

Ключевые слова: символ, обобщение, архетип, миф, метафора, концепт, значение, семантическое взаимодействие, структура значений.

Постановка проблемы. Семиотическая природа языка впервые противопоставлена прочим системам сигналов в работах Ф. де Соссюра и Ч. Пирса. С тех пор семиотические исследования языка преодолели периоды подъемов и спадов и в своем нынешнем состоянии сведены к проблематике психолингвистического характера. В центре внимания современных теорий находится не сама природа слова-знака, а формы и условия его дешифровки в воспринимающем сознании. [3, с. 117] Можно сказать, что современная семиотика представляет собой вспомогательную ветвь нейробиологии, помогая упорядочить данные этой науки в структурированную систему знания о сознании. Главным тезисом теории восприятия является признание знаковой природы мыслительных процедур: любая реакция мозга и организма в целом, так или иначе запечатлевается в сознании, кодируется, закрепляясь за определенным типом знака. Это исходное положение должно быть учтено при исследовании значения в системе языка. Лингвистические исследования значения, как правило, сконцентрированы на связях собственно языковых знаков, тогда как любой знак связан с другими именно своей знаковостью. Под знаковостью мы подразумеваем закрепление за определенным материальным носителем обобщенного образа раздражения пучков перцепции. Это практически медицинское определение позволяет свести воедино разрозненные представления о свойствах знаков вообще и устранить противоречия в понимании специфики знаков языка. Предпринятое с этих позиций исследование направлено на решение **актуальной** проблемы систематизации данных о семиотическом характере когниции человека. **Целью** данного исследования является прояснение места и роли символа в структуре концепта как единицы ментальности. В связи с поставленной целью возникают следующие **задачи**: 1) уточнить специфику понятия *символ*; 2) на материале поэтического текста проследить концептуальные связи различных форм экспликации символического значения; 3) выяснить роль символизации в структуре концепта. **Материалом** исследования послужили тексты лирических произведений А. А. Блока последнего прижизненного сборника поэта (1907-1916 гг.).

Символ как единица измерения культуры в современной научной традиции вытесняется понятием концепта. Сущность и свойства концепта таковы, что позволяют объединить представления и репрезентации сознания индивида с коллективным бессознательным национальной культуры. Как правило, речь идет об архетипе, мифологеме и метафоре, которые выступают составляющими концептуальной структуры. Если обратиться к психической реальности, то архетип представляет собой сам акт взаимодействия – непосредственно перцептивного или созерцательного – Я индивида с не-Я или Другим [4, с. 54]. Предельной конфликтности этот акт взаимодействия достигает при

интроспективном обнаружении иной, не своей ментальности в собственном сознании (alter ego). Раздвоение и расслоение сознания приводит к поиску средств восстановления целостности, что выражается в обобщении опыта и знания образными средствами мифа и метафоры. В этой психологической верной последовательности (архетип – миф – метафора) упускается момент эталона структуры или закона «реконструкции»: что и каким образом позволяет собрать воедино распадающуюся на бесчисленные реакции систему когниции? На наш взгляд, средством сохранения единства многообразия является символ.

Вслед за А.Ф. Лосевым мы выделяем обобщение как основную функцию символизации опыта [5, с. 3]. Именно обобщенный характер символа сохраняет потенцию развертывания заключенных в нем смыслов и образов в стройную систему объективных взаимосвязей. При этом именно степень объективности отличает символ от художественного образа и метафоры: «ситуация понимания» [3, с.175], возникающая при восприятии символа, предполагает наличие свободного пространства интерпретации для воспринимающего сознания. Воспринимающий, в силу неоднозначности символического значения, вынужденно реконструирует не связь сигнификата с денотатом, но факторы, обусловившие символизацию значения. Таким образом, воспринимающий вынужденно повторяет переходы от компонента значения к компоненту, восстанавливая в своем сознании исходную схему обобщения. Объективный характер символизации обусловлен единой эпистемической модальностью операций создания и восприятия символа. В некотором роде мы можем говорить о символе как о психологической универсалии – типе знака содержащего указания на совокупность индивидуальных конфигураций его содержания в предельном объеме. Символ в философском аспекте выступает как знак категории. В отличие от знаковых систем несимволической природы символ не требует знания о конвенции этой системы – он подразумевает наличие этого знания априори в силу национальной принадлежности индивида. Символы – это знаки, осваиваемые и продуцируемые в процессе традиций перцепции и апперцепции в ходе развития личности в конкретных национальных условиях. В результате символизации формируется универсальное ядро концептуальной структуры.

Процессы символизации поддаются исследованию в тексте поэтического произведения. Совокупное значение метафор и синкретизм мифологии, использованные при создании произведений содержат векторы «обратного» движения смысла – от условий конкретной дистрибуции в конкретном контексте к символическому обобщению. Рассмотрение компонентов контекста в аспекте их символизации позволяет вычленивший структурирующий принцип концепта.

Восприятие огня как символа страсти отражает структурирующий принцип концепта ОГОНЬ как отношений жизни и смерти, сохранности жизнеспособности организма (обогрев жилища, приготовление еды) и его дисфункции (пожар, ожог, оружие). Медиатором в этом противопоставлении свойств огня выступают состояния болезни как промежуточного между жизнью и смертью. Значение ‘страсть’ прикреплено к концепту ОГОНЬ через компоненты ‘болезнь’ и ‘опасность’. Так, в стихотворении А. А. Блока «В небе – день, всех ночей суеверней...» этот принцип вызывает цепь взаимосвязанных значений: *В небе – день, всех ночей суеверней, / Сам не знает, он – ночь или день. / На лице у подруги вечерней / Золотится неясная тень. // Но рыбак эти сонные струи / Не будил еще взмахом весла... / Огневые ее поцелуи / Говорят*

мне, что ночь – не прошла... // Легкий ветер повеял нам в очи... / Если можешь, костер потуши! / Потуши в сумасшедшие ночи / Распылавшийся уголь души! [1, с.103]. Материально выраженное отношение к концепту ОГОНЬ в этом отрывке присутствует только в метафорическом определении *огневые*. Основным планом символизации в данном отрывке выступают слова *костер, потуши, уголь, распыхавшийся*. Все эти лексемы, взятые в изолированности от контекста, соотносятся с категорией *огонь*, то есть содержат объективные характеристики этой категории. Следующим планом символизации становится группа слов, напрямую не относящихся к категории ОГОНЬ: *день, ночь, вечерняя, золотится, ветер, сумасшедшие*. Часть компонентов этой группы соотносится с символом ОГОНЬ через его свойство освещения: *день – свет – солнце – огонь* (наличие освещенности). Другая часть компонентов соотносится с символом через внутренние отношения противоположности. Таковы цепи значений *день – вечер – ночь* (убывание освещенности). Компонент *ветер* относится к системе значений концепта ОГОНЬ посредством потенции своего компонента ‘раздуть’. *Золотится* функционирует в тексте как член оксюморона *золотится тень*, манифестирующего наличие признака при его отсутствии (= блеск темноты). Внутри контекста, кроме данного оксюморона, создано слияние противоположностей ОГОНЬ – ВОДА, что создает напряженность мифологического фона, на котором символическое значение разворачивается в метафорические действия. В строках *Но рыбак эти сонные струи / Не будил еще взмахом весла* происходит достаточно резкое обращение от света/тени к концептуальному пространству ВОДА: *рыбак, струи, весла*. Отсутствие в этом переходе связующего семантического звена свидетельствует о свободном пространстве интерпретации, свобода которого, однако, ограничена национальными комбинациями ментальных универсалий. Отсутствие пояснительных компонентов в данном контексте подчеркивает архетипичность момента восприятия этого контекста. «Ситуация понимания» подразумевает уже существующий в коллективном сознании синкретизм значений огонь и вода. Стоит обратить внимание на закрепленность пары ОГОНЬ – ВОДА в русских пословицах, приведенных в Словаре В. И. Даля: *Огонь да вода – нужда да беда. Огонь да вода супостаты. Огню да воде Бог волю дал. С огнем, с водой не поспоришь. Скоро огонь горит да вода бежит. Правда в огне не горит и в воде не тонет* [2, с. 644]. Примеры пословиц демонстрируют общность двух стихий в их враждебном (*супостаты*) по отношению к человеку произволу (*Бог волю дал*). Характерной чертой специфически русского самосознания выступает в этой связи концепт ПРАВДА, который по своей силе не только противопоставлен силам природы, но и утверждён как высшая ценность. С этих позиций организация концептуального пространства ОГОНЬ в тексте Блока имеет существенные отличия от родового пространства народных представлений. ОГОНЬ в концептосфере творчества Блока – самодавляющая стихия, не имеющая над собой никакого более общего представления. В его свойствах и характере действий соединяются жизнь и смерть, благо и опасность, скорость, неукротимость. ОГОНЬ для поэта – символ ДУХА и потому не случайно, что глубинным принципом организации этого концепта становится принцип противопоставления духа и тела.

В этой связи употреблением определения *сумасшедшие* реализуется закон символического обобщения. Если символ указывает на значение, которого напрямую нет в его сигнификате, но на которое в этом сигнификате есть указание [5, с. 7], то указание на компонент ‘болезнь’ в восприятии символа ОГОНЬ как раз и представляет способ прикрепления всех семантических

компонентов данного отрывка. Болезнь, с одной стороны, как воспаление и нарушение порядка регуляции системы соотносима с представлением о страсти как излишке чувства, а с другой – в качестве исступления необходима для воплощения духовных действий. Здесь мы наблюдаем сверхсимволизацию и сверхсемантизацию всего комплекса значений, когда сквозь предметный план традиционных связей (*огонь – костер – потуши – расплывшийся – уголь и вечер – подруга – поцелуй – ночь*) проступает сакральное начало, не поддающееся семантизации (*неясная тень, сонные струи, сумашедшие ночи*).

Выводы. Многозначность символа скрепляется общим законом построения компонентов семантической системы. Языковой символ структурирует концепт, аккумулируя архетипические обобщения в принцип семантических сцеплений его составляющих. Степень символической общности компонентов концепта может быть различной: от прямого включения вещь – вещь (*огонь – костер, уголь*) или вещь – функция (*огонь – расплывшийся, потуши*) до архетипической ассоциации (*огонь – болезнь*) и мифологического тождества противоположности (*огонь – вода*). Несмотря на широкий диапазон этой общности и возможности режима пропуска шагов последовательной ее передачи (как в случае с компонентом *ветер* опущен компонент *раздуть*), символизация позволяет оформить принцип организации концептуальной структуры. При любой дальнейшей трансформации концептуального содержания символическая доминанта сохраняется и вместе с ней – указание на структурообразующий принцип концепта. В связи с этим новые символы и новые концепты на самом деле таковыми не являются, но чаще всего представляют собой образные компоненты уже существующих символов и концептов.

Список литературы:

1. Блок А.А. *Собрание сочинений в 8 томах: Т. 3 / А.А. Блок – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960-1963. – 250 с.*
2. Даль В.И. *Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт.; Т. 2: И – О / В.И. Даль. – СПб.: ТОО «Диамант», 1996. – 784 с.*
3. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. *Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке / М.К. Мамардашвили, А.М. Пятигорский; под общ. ред. Ю.П. Сенокосова. – М.: Школа «Языки русской культуры», - 1997. – 224 с.*
4. Лакан Ж. *Функция и поле речи и языка в психоанализе; пер. с фр. А. К. Черноглазова / Ж. Лакан. – М.: Гнозис, 1995. - 192 с.*
5. Лосев А.Ф. *Символ и художественное творчество / А.Ф. Лосев // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. - 1971. - Т. XXX, Вып. 1. - С. 3-13*

Тиригулова Раида Хафизовна,
доцент кафедры русского языка и контрастивного языкознания,
Елабужский институт Казанского (Приволжского)
федерального университета, г. Елабуга

Ибрагимов Эльмира Рашитовна,
доцент кафедры русского языка и контрастивного языкознания,
Елабужский институт Казанского (Приволжского)
федерального университета, г. Елабуга

ОБ ЭМПОРОНИМАХ ЕЛАБУГИ В ИХ ФУНКЦИОНАЛЬНО-КЛАССИФИКАЦИОННОМ ОСВЕЩЕНИИ

Аннотация: В данной статье рассматривается семантическая, структурная и функциональная организация эмпоронимов – типовой разновидности городских топонимов Елабуги.

Ключевые слова: эмпороним, ономастикон, информативность, рекламная функция, номинация, словообразовательные способы, унификация.

В современной науке при изучении городского ономастикона употребляется термин «эргоним» для обозначения деловых объединений людей (организаций, предприятий, фирм, обществ и др.). Одной из разновидностей эргонимов являются эмпоронимы – наименования торговых, коммерческих, финансовых структур.

Эмпоронимическая лексика активно участвует в современной коммуникации и способствует созданию картины мира носителя языка, в силу чего, как пишут авторы статьи об эмпоронимах Елабуги Л.Б. Бубекова и Т.А. Чиркова, «исследование региональной специфики функционирования эмпоронимической подсистемы имен собственных, специфики структурно-семантических свойств ее составляющих, представляется важным на сегодняшний день» [1, с.33].

Цель нашего сообщения – дать характеристику эмпоронимов Елабуги с учетом их семантико-структурных и функциональных свойств.

При исследовании эмпоронимов Елабуги (их более 300 единиц) было определено, что значительное их количество представляют собой наименования, имеющие татарскоязычное происхождение. Например: «Дуслык» (русс. «дружба»), «Йолдыз» (русс. «звезда»), «Сандугач» (русс. «соловей») и др. Эмпоронимия Елабуги отражает вполне гармоничное сосуществование в городском ономастиконе разных по типологии языков (русского и татарского) вследствие постоянных контактов русского и татарского населения, что подтверждается вхождением тюркских языковых единиц в повседневную русскую речь. Среди заимствованных из других языков слов-наименований, которые тоже представлены достаточным количеством единиц, обнаруживаются варваризмы. Ср.: Beauty safe, ДОМО, «Тенториум», «Эссен», «Мэй Ли». Выделяются в небольшом количестве и слова, имеющие старославянское и древнерусское происхождение («Злато», «Золотник»).

Сочетание татарских, русских и заимствованных слов в названиях коммерческих структур – уникальная, на наш взгляд, черта ономастикона татарстанских городов.

При классификации эмпоронимов было выделено одиннадцать тематических групп. Наиболее часто для наименования таких структур используются личные имена, прежде всего, имена владельцев и членов их семей («Азалия», «Алина», «Лейла», «Марат»), а также названия животных и растений, природных явлений («Пингвин», «Колос», «Кояш» – русск. «солнце») и т.п. Для создания некоей престижности, высокой оценочности, в наименованиях употребляются лексемы «престиж», «элита», «стиль» (к примеру, названия магазинов «Престиж», «Элита»). Использование лексики с ментальной семантикой традиционно невелико («Дом книги», «Библиосфера»). Отчетливо проявляется желание номинаторов сделать вывески своих предприятий центром внимания: выбираются слова для их наименования благозвучные, красивые и модные («Аю» – русск. «медведь», «Аленушка», «Лейла», «Миллениум», «Меридиан», «Креатив», «Интер-дизайн»). Имена исследуемых объектов включают в свой состав числительные, прежде всего числительное «один» («Экономичный №1» и др.) с вполне ясным его предназначением.

Что касается характера содержащейся в эмпоронимах информации, то в этом плане среди исследуемых единиц были обнаружены как информативные и рекламные, так и рекламно-информативные разновидности. Последние являются наиболее содержательными. Соединение в одном эмпорониме рекламной и рациональной информации наиболее эффективно: они информируют об объекте продажи и одновременно дают предприятию высокую оценку. Например, «Дом книги», «Интернет-салон», «Созвездие красоты», «Стильный дом», «Предметы старины». Однако, как это видно по елабужским эмпоронимам, оптимальные информативно-рекламные собственные имена удается создать далеко не всегда. «Этому препятствует ряд объективных трудностей, главная из которых – исключительная сложность выделения определенной рациональной информации об объекте продажи. Например, многочисленные в настоящее время многопрофильные фирмы, торговые предприятия, предлагающие самые разнообразные товары неопределенному по своим параметрам покупателю, просто не могут иметь информативных названий» [2, с.58]. Единственная рациональная информация, которую могут содержать названия таких фирм, это указание на многопрофильность и многообразия предлагаемого ассортимента: «Ассорти», «Раздолье», «Азбука дома», «Детский мир», «Оптовая база» и т.п. Заметим, что подобные торговые предприятия нередко выбирают себе названия как символы славы, богатства, безграничности: «Арбат», «Армани», «Торнадо», «Форсаж». Рекламные названия, не содержащие информации, актуальной для потребителя, используются в Елабуге в настоящее время очень широко, для объектов самого разного назначения и профиля деятельности, даже для тех, которые могли бы иметь информативные имена. К примеру, «Севилья» – название магазина по продаже тканей и швейных принадлежностей.

Информативность эмпоронима по-разному воспринимается и оценивается номинаторами и потребителями. Номинаторы в целом преувеличивают значение рекламной стороны имени, стараются создавать яркие, возвышающие фирму названия. Например, магазин «MASKOT» (англ. «талисман, символ») – название объекта, как можно предположить, приносящего удачу. Продовольственный магазин «Махта» (тюрк. «похвала») – название заставляет подумать о чем-то «заслуживающем похвалы». При этом потребители часто могут не догадываться о значении этих наименований.

В настоящее время заметна тенденция к увеличению числа информативных видов («Мебель», «Джинсы», «Шторы», «Цветы», «Ткани» и др.). Рациональная информация в таких случаях играет главную роль при продаже товара или предоставлении различных услуг.

Известно, что с ономастологической точки зрения исследуемые нами единицы могут содержать различные элементы ситуации купли/продажи, при этом они обнаруживают их мотивированность преимущественно субъектом, объектом, адресатом (Ср.: «Сытый студент»).

Современная ономастика Елабуги использует как семантические, так и словообразовательные способы номинации. Это ономизация апеллятива («Хлебник»), сложение разных видов («Хозтовары»), заимствование («Абак»), трансономизация («Манхеттен»). Отметим, что субстантивная модель наименования эмпоронимов более продуктивна, чем адъективная модель. К наиболее же продуктивным способам наименования, на наш взгляд, относятся ономизация апеллятива и составные наименования («Мясная лавка», «Строительный двор», «Русский климат»).

В Елабуге не зафиксированы обычно встречаемые во многих городах номинации с пословично-поговорочной тематикой. Этот факт, как и отсутствие в его ономастике некоторых номенклатурных терминов (к примеру, квартал) или немногочисленность многоэлементных номинаций, можно считать временным явлением, так как город расширяется и количество торговых и финансовых структур также увеличивается.

Некоторые наименования, представляющие известные торговые сети, распространены в разных городах России, в том числе и в Елабуге, например, «Sela», «Пятерочка», «Л'Этуаль». Это один из фактов, который, по мнению Т.В. Шмелевой, приводит к унификации ономастикона современных городов, к его единообразию. Этому способствует и наличие традиционных для эмпоронимии страны наименований – «24 часа», «1000 мелочей», «Злато», также отмеченных на карте эмпоронимов Елабуги.

Линия унификации ономастикона современных городов имеет культурную основу: на вывесках оказываются слова, которые выдвигаются в центр общественного внимания, становятся модными. «На волне этой тенденции просто должны появиться на вывесках ГЛАМУР, ПРЕСТИЖ и подобные слова. Иногда их появление производит эффект неожиданности» [3, с.8], – справедливо замечает Т.В. Шмелева.

Итак, представляя небольшой фрагмент исследования елабужского ономастикона, мы отмечаем в нем характерные как для татарстанских, так и для российских городов, тенденции именования магазинов, кафе и др. подобных структур. Новейшие эмпоронимы, по нашим наблюдениям, строго входят в топонимическую систему Елабуги и представляют собой, наряду со старыми елабужскими названиями, значительный интерес для будущих исследований.

Список литературы:

1. Бубекова, Л.Б., Чиркова, Т.А. Эмпоронимы Елабуги //Л.Б. Бубекова, Т.А. Чиркова //Сборник научных трудов «Проблемы современной науки»: выпуск 7. – Часть 2. – Ставрополь: Логос, 2013. – С.33-39.
2. Романова, Т.П. Проблемы современной эргоники //Вестник Самарского государственного университета. Серия «Филология». – 1998. – №1. – Режим доступа: <http://www.weblib.ssu.samara.ru/DLib/vestnik/documents/199810904.html>, свободный. – Загл. с экрана.
3. Шмелева, Т.В. Городской ономастикон: единство регионов /Т.В. Шмелева //Мирь имён и названий. – 2010. – №42.– С.1-8.

Чепель Наталья Павловна,
к. филол. н., доцент кафедры иностранных языков,
РГУ имени С.А. Есенина, г. Рязань

К ВОПРОСУ ОБ АДЕКВАТНОЙ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ФОНОВЫХ ЗНАНИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Аннотация: В настоящей статье рассматривается актуальный для современной теории перевода вопрос о роли фоновых знаний в межъязыковой и межкультурной коммуникации. На примере перевода исторических реалий с русского языка на английский автор предпринимает попытку проанализировать степень влияния фоновых знаний на адекватность выбора способов перевода русских реалий-историзмов.

Ключевые слова: реалии-историзмы, межкультурная коммуникация, лингвоэтнический барьер, фоновые знания, прагматическая адаптация.

На современном этапе развития теории перевода коммуникативный подход к описанию перевода завоевал широкое признание. Большинство теоретических работ в области переводоведения рассматривает перевод не только в аспекте межъязыковой, но и в аспекте межкультурной коммуникации, подчеркивая, что переводческий акт это не только контакт двух семантических систем, но и контактирование представителей двух лингвокультурных общностей. У каждого из них свое мировосприятие, свой определенный фонд культурного наследия: фоновые знания, морально-этические нормы, знание правил речевого этикета [2, с. 134].

Понимание и трактовка языковых единиц и речевых произведений участниками одноязычного и уж тем более двуязычного коммуникативного процесса различны. Степень таких различий зависит от языкового и экстралингвистического опыта (фоновых знаний) участников коммуникации. В процессе перевода данный постулат прагматики играет существенную роль.

Рассматривая процесс перевода в рамках коммуникативной схемы переводческого процесса (Ю. Найда, А.Д. Швейцер, А. Попович, В.Н. Комиссаров), необходимо отметить, что переводчик всегда выступает в двойном качестве: как Получатель исходного текста в акте первичной коммуникации и как Отправитель текста перевода, воспринимаемого получателем текста перевода в акте вторичной коммуникации. В роли Получателя оригинала в первичном коммуникативном акте переводчику для понимания переводимого текста принципиально важно обладать определенным запасом фоновых знаний. На важность наличия фоновых знаний у участников коммуникации указывают многие ученые. В контексте данной статьи нам представляется существенным подчеркнуть значимость наличия определенных фоновых знаний, прежде всего у переводчика. В частности, А.С. Бархударов, А.Д. Швейцер и другие переводоведы постоянно подчеркивают, что важным условием предупреждения ошибок в процессе перевода является помимо знания языка понимание действительности, о которой идет речь в оригинале, необходимы фоновые знания, которыми располагает получатель исходного текста [1, с. 22]. На этапе восприятия текста оригинала переводчик стремится, как можно полнее извлечь содержащуюся в нем информацию, для чего он должен обладать не только достаточными знаниями языка оригинала, но также и фоновыми знаниями, которыми располагают носители исходного языка. Возможность же правильно передать обозначения предметов и явлений, о которых идет речь в оригинале, и связанных с ними ассоциаций и образов, тем более предполагает

наличие у переводчика как Отправителя текста перевода определенных знаний о той действительности, которая изображена в переводимом произведении.

В процессе одноязычной коммуникации ее эффективности могут препятствовать различия в психологических особенностях коммуникантов, их убеждениях, привычках. В процессе же двуязычного речевого общения помимо таких социально-личностных барьеров имеет место и лингвоэтнический барьер, т.е. «расхождение в языках, закономерностях их функционирования, культурах общающихся» [3, с. 31]. Поднимая вопрос о детерминантах переводческой деятельности, Л.К. Латышев описывает лингвоэтнический барьер как комплексное понятие, которое включает в себя ряд факторов: расхождение двух языковых систем, расхождение норм и узусов, действующих в коллективах носителей ИЯ и носителей ПЯ и расхождение фоновых знаний носителей разных языков [там же, с. 104-108]. Нейтрализация лингвоэтнического барьера, т.е. препятствий, которые вытекают из принадлежности участников межъязыковой коммуникации к разным лингвоэтническим сообществам, является одной из основных прагматических задач, стоящих перед переводчиком в процессе перевода.

В настоящей статье мы хотели бы более подробно рассмотреть влияние на стратегию переводческой деятельности такого детерминирующего фактора как расхождение фоновых знаний носителей ИЯ и носителей ПЯ при переводе русских исторических реалий на английский язык.

Как уже указывалось выше, адекватное восприятие и понимание текста переводчиком зависит от знания особенностей культуры и истории народа, на языке которого создавалось произведение. Эти особенности наиболее ярко отражаются реалиях, т.е. словах, служащих для обозначения предметов, понятий и явлений, отсутствующих в иной культуре и ином языке. Национально-культурное, а часто и историческое содержание в реалиях составляет ядро их значения. Следовательно, их правомерно рассматривать как основу фоновых знаний.

Русские реалии-историзмы несут ценную информацию, извлечь которую переводчик без соответствующих фоновых знаний не сможет. Поэтому еще раз подчеркнем тезис о том, что фоновые знания являются одним из важнейших детерминантов переводческой деятельности уже на этапе восприятия исходного текста, когда переводчик выступает в качестве Получателя. Рассмотрим несколько примеров:

И опять по обеим сторонам столбового пути пошли вновь писать версты, станционные смотрители, колодцы, обозы, серые деревни с самоварами, бабами ... (Гоголь Н.В. «Мертвые души»)

...once more there began on either side of the turnpike a procession of verst stones, road menders, and grey villages; inns with samovars and peasant women... (пер. D.J. Hogarth)

Она вглядывалась в полевую даль, ...вглядывалась в белые церкви сельских погостов... (Салтыков-Щедрин М.Е. «Господа Головлевы»)

She looked intently into the distance, gazing...at the white churches of the country-side. (пер. N. Duddington)

«...Теперь станем продолжать собиранье голосов. Господин коллежский советник! Скажите нам ваше мнение!» (Пушкин А.С. «Капитанская дочка»)

"Now let us continue to collect the votes. The College Director will give us his opinion." (пер. Marie H. de Zielinska)

Приведенные примеры наглядно свидетельствуют о том, что фоновых знаний переводчиков явно недостаточно для того, чтобы адекватно раскрыть значение соответствующих русских исторических реалий. Именно незнание или неверное понимание русских реалий-историзмов *станционный смотритель* (начальник почтовой станции), *погост* (кладбище, обычно сельское), *коллежский советник* (гражданский чин 6-го класса) стало причиной ошибок, допущенных переводчиками. В теории и практике перевода вопрос о реалиях рассматривается главным образом как проблема поиска оптимальных способов перевода таких лексических единиц. Но прежде чем переводить, нужно распознать реалию в тексте, понять ее, а для этого переводчику необходимы фоновые знания языка и культуры.

Нам представляется важным отметить еще одну особенность: во всех трех случаях переводы выполнены переводчиками – иностранцами, не являющимися носителями русского языка. Этот факт, на наш взгляд, может свидетельствовать о том, что лингвокультурная принадлежность переводчика также может быть отнесена к детерминирующим факторам, влияющим на адекватность перевода уже на этапе первичной коммуникации при восприятии текста оригинала [8, с. 112].

На этапе вторичной коммуникации, когда переводчик выступает в роли отправителя текста перевода, процесс перевода детерминируется, как уже было сказано, необходимостью нейтрализации лингвоэтнического барьера, т.е. необходимостью компенсации различий в объеме и содержании фоновых знаний у носителей языка оригинала и носителей языка перевода. В результате осуществляя перевод текста оригинала, переводчик использует различные приемы прагматической адаптации исходного текста с учетом социокультурных различий между получателями оригинала и перевода. «Переадресовывая сообщение иноязычным получателям, - отмечает А.Д. Швейцер, - и вводя поправку на указанные различия, переводчик старается найти не просто смысловые эквиваленты, т.е. единицы, обозначающие те же явления действительности, а те функциональные соответствия, которые способны вызвать у иноязычного получателя реакцию, сходную с той, которую данное сообщение вызывает у тех, кто воспринимает его в подлиннике [9, с. 242].

Выбирая тот или иной способ прагматической адаптации, переводчики русской классической литературы на английский язык ориентируются на усредненного англоязычного получателя перевода. Это типичные представители культуры языка перевода, не знакомые с русскими историческими реалиями. Для обеспечения адекватного понимания текста получателем перевода, в частности англоговорящим читателем, при выборе способа перевода русских реалий-историзмов переводчику важно правильно оценивать общий фонд знаний, информированность, способности понимания предполагаемого получателя перевода. Рассмотрим примеры перевода русских реалий-историзмов:

В эту минуту хозяин вошел с кипящим самоваром... (Пушкин А.С. «Капитанская дочка»)

At this moment our host entered with the portable furnace and boiler, the Russian Somovar. (пер. Marie H. de Zielinska)

В ворота гостиницы губернского города NN въехала довольно красивая рессорная небольшая бричка, в какой ездят холостяки... (Гоголь Н.В. «Мертвые души»)

To the door of an inn in the provincial town of N. there drew up a smart britchka – a light spring-carriage of the sort affected by bachelors... (пер. D.J. Hogarth)

Каморка запиралась на замок, напоминавший своим видом калач, только черный... (Тургенев И.С. «Муму»)

The garret was locked up by means of a padlock that looked like a kalatch or basket-shaped loaf, only black... (пер. C. Garnett)

В приведенных примерах переводчики вводят незнакомую читателю реалию с помощью транслитерации, сопровождаемой кратким описанием с целью обеспечить более точное понимание соответствующей лексической единицы получателем перевода. Переводчики пытаются разъяснить читателю непонятные или незнакомые ему понятия, и одновременно сохранить национально-исторический колорит, воспроизводя звуковую форму соответствующих реалий.

Таким образом, необходимость адекватной вербализации фоновых знаний в процессе перевода русских исторических реалий не вызывает сомнений. Расхождения в объеме фоновых знаний носителей языка оригинала и носителей языка перевода при переводе русских исторических реалий на английский язык как детерминирующий фактор в процессе перевода художественных произведений – это не только фактор, вызывающий необходимость прагматической адаптации при переводе русских реалий-историзмов, но и фактор, определенным образом влияющий на адекватность понимания соответствующих русских реалий самим переводчиком в тех случаях, когда переводчик не является носителем языка оригинала.

Список литературы:

1. Бархударов, Л.С. Что нужно знать переводчику? / Л.С. Бархударов // Тетради переводчика. - Вып. 15. - М.: Междунар. отношения, - 1978. - С. 18 – 22.
2. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. - М.: ЭТС. - 1999. - 192с
3. Латышев Л.К. Семенов А.Л. Перевод: теория, практики и методика преподавания: Учеб. пособие для студ. перевод. фак. высш. учеб. заведений. - М.: Издательский центр «Академия», 2003. - 192 с.
4. Ожегов С.И. Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. - 4-е изд., доп. - М.: Азбуковник, 1999. - 944 с.
5. Попович А. Проблемы художественного перевода. / Пер. со словацкого. - М.: Высш. школа, 1980. - 199с.
6. Томахин, Г.Д. Прагматический аспект лексического фона слова. / Г.Д. Томахин //Филологические науки. - 1988. - №5 - С. 82 - 86.
7. Чепель, Н. П. Прагматические аспекты перевода русских исторических реалий на английский язык: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.20/ Наталья Павловна Чепель; МГЛУ. - М., 2005. - 162 с.
8. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. - М.: Наука, 1988. - 215с.
9. Gogol N. Dead Souls. Tr. by D.J. Hogarth. London-Toronto. J.M. Dent & Sons LTD. N.Y. E.P. Dutton & Co., s.a. 341 p.
10. Pushkin A. Maria: a Story of Russian Love. Tr. by Marie H. De Zielinska. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://digital.library.upenn.edu/webbin/gutbook>

11. Schedrin M.E. *The Golovlyov Family*. Tr. by Natalie Duddington. – London & Toronto: J.M. Dent & Sons LTD., 1934. – 324 p.
12. Turgenev I. *Mumu & Kassyan of Fair Springs*. Tr. by Constance Garnett. N.Y.: Little Leather Library Corporation, s.a. - 94 p.

ТЕКСТ КАК ОТРАЖЕНИЕ МЕНТАЛИТЕТА НАРОДА И ИНДИВИДА В ЭСТЕТИКЕ СЛОВЕСНОГО ТВОРЧЕСТВА

Алтухова Ольга Николаевна,
доцент, Волгоградский государственный
медицинский университет, г. Волгоград

Игнатенко Ольга Петровна,
доцент, Волгоградский государственный
медицинский университет, г. Волгоград

ИМПЛИЦИТНЫЕ ОНОМАСТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В.ПЕЛЕВИНА)

Аннотация: В статье имплицитные ономастические единицы в постмодернистском художественном тексте рассматриваются как часть ономастического пространства литературного произведения. Они возникают в текстах как интертекстуальные аллюзии и ассоциации и образуют множественные виртуальные цепочки имен собственных.

Ключевые слова: ономастические единицы, художественный текст, постмодернизм, интертекстуальность, аллюзия.

Одним из важных понятий постмодернистской текстологии является понятие «интертекстуальности», когда любой текст становится интертекстом, т.е. диалогом различных видов письма. Интертекстуальность представляет собой явление, отражающее взаимодействие текстов и мировоззрений в процессе развития мировой культуры [2. с.32]. Язык любого постмодернистского художественного произведения характеризуется множественностью интерпретаций. С этой точки зрения семантический потенциал имени собственного в литературном тексте данного направления характеризуется потенциальной амбивалентностью. Ономастические единицы становятся важными смысло- и стилиобразующими элементами текстового пространства, актуализируют новые коннотативные и ассоциативные значения. Социальные и символические коннотации имени собственного очень богаты [3. с.432]

Средством реализации принципа интертекстуальности в постмодернистском художественном произведении является аллюзия, указывающая на определенный литературный, историко-культурный факт или лицо, обращаясь к культурной памяти читателя. Аллюзии реализуют интенсивные ассоциативные связи, соединяя любой текст с другими уже созданными ранее. Чаще всего аллюзия отсылает читателя к ономастической единице: фамилии и имени писателя, названию произведения, откуда берется цитата. Подобные имена собственные не появляются на страницах произведения, они присутствуют в нем «виртуально», т.е. имплицитно. Имплицитная ономастика – имена собственные, не упоминающиеся в текстах автора, но возникающие в языковом сознании читателя на основе аллюзий и ассоциаций [1, с.137]. Это могут быть одиночные виртуальные ономастические единицы или несколько онимов, связанных друг с другом (например, имя автора, название его произведения, имя главного героя). Они возникают в голове у реципиента постмодернистского художественного текста как цепочка виртуальных ономастиче-

ских единиц. Длина подобной цепочки зависит от культурной и языковой компетенции читателя.

В произведениях русского писателя-постмодерниста В. Пелевина можно выделить следующие способы продуцирования имплицитных ономастических единиц:

1) через имя (прозвище) героя. Капитан Лебедин из романа «Числа» имеет прозвище Леон. «А я – скромный джедай Леонид Лебедин. Можно просто Леон. Четвертое главное управление ФСБ по борьбе с финансовым терроризмом». Прозвище – аллюзия на фильм с одноименным названием, в котором роль киллера Леона исполнил французский актер Жан Рено, создавший на экране образ сильного и практически не уязвимого человека.

2) через воспроизведение стиля автора. В начале романа «Жизнь насекомых» герои Артур и Арнольд встречают иностранца Сэма Саккера. Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита» начинается с момента встречи Берлиозом и Бездомным некоего иностранца Воланда. Знаком «иноземности» обоих персонажей – Сэма и Воланда – выступают большой обтекаемый кейс и трость с набалдашником в виде головы пуделя.

3) через использование одинаковых мотивов. Например, мотив превращения в романе В. Пелевина «Жизнь насекомых» (неожиданная трансформация на глазах читателя людей в насекомых) позволяет выстраивать следующие имплицитные ономастические цепочки: Ф. Кафка, «Превращение», Грегор Замза; братья Чапеки, «Жизнь насекомых»; Э. Ионеско, «Носороги», Беранже; М. Булгаков, «Собачье сердце», Шариков.

4) через аллюзию на название известного произведения. Одна из глав «Жизни насекомых» носит название «Полет над гнездом врага». Автор отсылает читателя к роману К. Кизи «Над кукушкиным гнездом» и фильму «Полет над гнездом кукушки» с Джеком Николсоном в главной роли.

5) через цитату из произведения. В романе «Generation “П”» В.Пелевин использует аллюзии на русскую классическую литературу для создания слоганов: «И дым отечества нам сладок и приятен. Парламент», «УМОМ РОССИИ НЕ ПОНЯТ, В РОССИИ МОЖНО ТОЛКО ВЬЕРИТ. “SMIRNOFF”», «Мировой «Пантин Pro-V», господа, благослови!». Изобретение рекламных слоганов с цитированием русских классиков А. Грибоедова, Ф. Тютчева, А. Блока позволяет писателю, с одной стороны, играть с читателем, давая возможность угадывать авторство и получать, таким образом, удовольствие от дешифровки текста, а, с другой стороны, проиллюстрировать мифотворческую способность рекламы.

6) через сходство персонажей и выполняемых ими функций в тексте художественного произведения. В романе «Generation “П”» некое таинственное животное, называемое сирруфом, играет для Вавилена Татарского роль гуру. Данный образ можно соотнести с духом Мескалито из книги «Учение донна Хуана» К. Кастанеды, который для главного героя становится проводником через границу двух миров. Оба персонажа, сирруф и дух, появляются после приема героем в пищу галлюциногена.

7) через ситуацию. В повести «Затворник и Шестипалый» куриное общество принимает Шестипалого за мессию, любая произнесенная им фраза мыслится как некое откровение. Ситуация «самозванства» является аллюзией на комедию «Ревизор» Н.В. Гоголя и отсылает к Хлестакову.

8) через ассоциативную связь финалов произведений. В конце романа «Чапаев и Пустота» главный герой отбывает во Внутреннюю Монголию, где Петра ждёт его любимая Анна. Читатель может провести параллель с рома-

ном М. Булгакова «Мастер и Маргарита», в котором мастер остается со своей возлюбленной в месте, обещающем им вечный покой. Финал также отсылает читателя к концовке романа В. Набокова «Приглашение на казнь», в котором главный герой выбирает свободу, отказываясь от добровольной роли жертвы.

9) через образ. В финале романа «Чапаев и Пустота» Петр получает от любимой женщины желтую розу: «...он протянул пустую бутылку с золотой этикеткой, сделанной из квадратика фольги. Из бутылки торчала жёлтая роза. – Она сказала, что ты поймешь». Данный образ является аллюзией на рассказ Х. Л. Борхеса «Жёлтая роза», в котором поэт Джамбаттиста Марине, находясь на пороге смерти, видит женщину, ставящую в вазу розу. Главный герой внезапно прозревает и осознает, что этот цветок существует в своей собственной вечности. О возможности создания человеком собственного мира и должен напомнить Петру Пустоте подарок Анны.

Имплицитные имена собственные, которые возникают в постмодернистском художественном тексте как интертекстуальные аллюзии и ассоциации, расширяют ономастическое пространство литературного произведения, делая его потенциально бесконечным. Культурная компетенция читателя и его желание вступить в предлагаемую автором игру позволяет реципиенту продуцировать множественные виртуальные ономастические цепочки.

Список литературы:

1. Алтухова О.Н. Ономастический контекст в постмодернистской литературе (на материале произведений В. Пелевина): дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 176 с.
2. Арнольд И.В. Проблемы диалогизма, интертекстуальности и герменевтики (в интерпретации художественного текста): Лекции к спецкурсу. – СПб.: Образование, 1995. – 60 с.
3. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, Универс, 1994. – 616 с.

*Ананьина Марина Александровна,
доцент кафедры германской филологии, РГППУ*

*Ускова Белла Анатольевна,
доцент кафедры германской филологии, РГППУ, г. Екатеринбург*

ОСОБЕННОСТИ АЛЛЮЗИВНЫХ АНТРОПОНИМОВ В РОМАНЕ «ФОРРЕСТ ГАМП» У. ГРУМА

Аннотация: В статье рассматриваются особенности аллюзивных антропонимов в романе «Форрест Гамп» У. Грума. Всего в тексте романа выявлено 15 аллюзивных имен, принадлежащих к различным источникам, в частности, таким, как кино, музыка, парикмахерское искусство, сказки, исторические события, книги, религия, телевидение, греческая мифология, ученые, ресторанный бизнес, политика. Картина мира основана на особенностях обыденного сознания, в котором выделяют 4 компонента: сенсорно-рецептивный, логико-понятийный, эмоционально-оценочный и ценностно-нравственный компоненты. Большинство имен в романе может быть отнесено к сенсорно-рецептивному и эмоционально-оценочному компонентам. Имена отражают мировоззрение рассказчика – простого американца, чем обусловлена специфика их использования в романе.

Ключевые слова: аллюзивный антропоним, прецедентное имя, интертекстуальность.

Роман «Форрест Гамп» был написан У. Грумом в 1986 году и сразу стал бестселлером. Заглавный герой романа – американец, называющий себя идиотом. На самом деле отсутствие эрудированности и элементарной сообразительности сочетается у Форреста со спортивным талантом игры в футбол, реслинг и пинг-понг, недюжинными математическими способностями, умением играть в шахматы. Умственная отсталость сочетается с непосредственностью, честностью, преданностью в дружбе и любви, бескорыстием, щедростью. Эти качества, на наш взгляд, заставляют читателя высоко оценить героя как личность, во многом превосходящую умственно здоровых людей, но склонных к эгоизму, жадности, избалованности, злости, зависти и другим отрицательным чертам характера.

Роман написан от лица Форреста, этим объясняется специфика использования в нем аллюзивных имен. Всего их 15, большинство используется в повествовании героя: the Pied Piper, Frankenstein monster, Muhammad Ali, Buddha-lookin, Pinocchio's, that Beatle wig, on the Johnny Carson show, feel like Uncle Remus. Кроме того, в речи солдат встречаются Einsteins, the Sans Souci, the Frankenstein monster. В речи одного из преподавателей, ставящих диагноз Форресту используются такие имена, как an Adonis, Liszt, Beethoven. Кино-режиссер так характеризует внешность Форреста: another John Wayne.

Интерес представляет изучение имен в связи с их местом в обыденном языковом сознании. Различные подходы к классификации аллюзий представлены работами В.П. Москвина, Н.А. Фатеевой и других авторов [2]. О.А. Корнилов приводит четыре компонента обыденного сознания, ссылаясь на работы психологов [1, с. 164-165]. Они включают сенсорно-рецептивный, логико-понятийный, эмоционально-оценочный и ценностно-нравственный компоненты. 8 имен относятся к сенсорно-рецептивному компоненту, 7 имен – к эмоционально-оценочному и 1 имя – к логико-понятийному компоненту. Можно сделать вывод о том, что большинство имен используются для выра-

жения внешних, в основном зрительных, впечатлений. Другая группа используется для выражения эмоциональной оценки внешности или ситуации.

Список литературы:

1. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов: [учебное пособие] / О.А. Корнилов. – 4-е изд., испр. – М.: КДУ, 2013. – 348 с.
2. Москвин В.П. Интертекстуальность: Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили / В.П. Москвин. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 168 с.
3. Groom W. Forrest Gump / Winston Groom. – Great Britain: Black Swan, 1994. – 240 p.

Бурдь Татьяна Викторовна,
студентка магистратуры факультета «Романо-германская филология»,
Кубанский Государственный Университет, г. Краснодар,

МОТИВ КОСМИЧЕСКОЙ ЛЮБВИ В ПЕСЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ Г.М.Т. САМНЕРА (СТИНГА)

Аннотация: В статье рассмотрен мотив космической любви как один из ведущих мотивов в творчестве Стинга. Прикладная ценность исследования заключается в возможности использования его результатов в лекционных курсах по истории английской музыкальной культуры XX века.

Ключевые слова: мотив, лейтмотив, космическая любовь, творчество.

Анализируя основные мотивы творчества Стинга, стоит сказать о комплексе мотивов, связанных общей темой любви. Исследовав песенный материал, мы выделили лейтмотив любви, который проходит сквозь все его творчество. Внутри этого лейтмотива мы обнаружили 5 мотивов, которые, переплетаясь друг с другом, создают общий мотив любви. Таким образом, мы подразделили данный лейтмотив на мотив «земной» и «космической» любви. В данной статье будет рассмотрен образ «космической» любви, который является более необычным и разноплановым.

Данный цикл песен включает 40 композиций [3]. Критерием включенности в данный комплекс являются повторяющиеся образы космоса (небо, звезды), природы (пустыня, океан), а также божественные образы (Бог, ангелы).

В отличие от «земной» любви, лирический герой здесь воспринимает любовь как чудо, имеющее божественную природу: I begged the moon and the stars above for sacred love (я молил луну и звезды в небе о священной любви). Любовь представляет собой активное созидующее начало: It's the time of the worlds colliding (это момент столкновения миров), the earth she shook just like a prophesy in the Holy book (она сотрясает землю, точно пророчество в Священном писании), Любовь неподвластна земным законам: love is stronger than justice (любовь сильнее правосудия).

Лирический герой говорит о любви, которая превыше всего на свете. Песня The secret marriage («Тайное венчание», 1987 г.) является тому доказательством [5]. Это композиция о любви, которая не подчиняется земным условиям: no earthly church has ever blessed our union (ни одна земная церковь не благословляла наш союз), no debt was ever paid no dowry to be gained (и выкуп не платился никогда, и не было приданного), the secret marriage vow is never spoken, the secret marriage never can be broken (клятва тайного венчания вслух никогда не прозвучит, тайный брак никому не разрушить). Повторяющееся в начале каждой строки «по» служит для усиления эмоционального воздействия: no Bible oath to swear (клятва Библии не прозвучит). Перечисляя многочисленные несовпадения своей любви с «общепринятой», автор иллюстрирует ее божественную сущность, стоящую вне земных законов.

Христианские образы вплетаются в мотив «космической» любви и реализуется в виде освещенного богом брака: be the light of my life (стань светом моей жизни), come into my doors come and be my wife (войди в мою дверь и стань моей женой), come and live with me (приходи и живи со мной), to me be as it pleaseth God (пусть будет так, как угодно Господу Богу). Здесь упоминаются и дети как естественный и желанный итог любви: we'll have children of

our own (у нас будут свои дети). Следует отметить, что христианский образы являются традиционными в европейской культуре и встречаются в творчестве целого ряда рок-исполнителей и групп: Алиса, Skillet, Creed, Crash Test Dummies, 12 Stones, Red и The Letter Black [1, с.57].

Составляющей мотива космической любви является образ лирического героя, который проявляет себя как демиург, творец, которому подвластны стихийные силы: I claim dominions over all I see (я утверждаю владычество над всем, что вижу), I'd destroy the dark machineries of fate (я бы разрушил темные машины судьбы stars above for sacred love (я молил луну и звезды в небе о священной любви My old heart ain't gaining no ground because my angel eyes ain't here (мое старое сердце не достигает земли, потому что мои ангельские глаза не здесь).

Лирический герой гиперболизирует свои ощущения: pledge myself to you (раствориться в тебе), I'm mad about you (без ума от тебя), I would love you more than life (я буду любить тебя больше жизни), Every step I thought of you (каждый шаг я думал о тебе). Он полностью охвачен мыслями о возлюбленной: all I want to be is dancing here with you in my arms (все что я хочу – это танцевать здесь с тобой в моих объятьях). Порой, он предстает рабом своих чувств: I will always be a slave to your charms (я всегда буду рабом твоих чар).

Герой готов совершать героические поступки: To have you with me I would swim the seven seas (чтобы ты была со мной я переплыву 7 морей), I give you all I've got to give you (я отдаю тебе все, что у меня есть).

Образ возлюбленной представлен неординарно и высокопарно: you're the queen (ты королева), you're the bright star (ты яркая звезда), you're my religion, you're my church, you're the holy grail (ты моя религия, ты моя церковь, ты - священный Грааль). В тексте мы находим многочисленные описания возлюбленной (25 описаний в «космической» любви по отношению к 2 в «земной»): her smile as sweet as a warm wind in summer (ее улыбка, сладостная как теплый летний ветерок), your lips so warm and tender (твои губы такие теплые и нежные). Возвышенные эпитеты говорят об идеализации образа, что приближает ее к образу прекрасной Дамы, известному европейской поэтической традиции со средневековья: she's my gift from the lord (она мой подарок от Господа), you appear in all your splendor my one and only love (ты появляешься во всем своем великолепии, одна и единственная моя любовь).

В песнях возлюбленная соответствует представлению любви как волшебства: every little thing she does is magic (все, что она делает-магия), she takes the shape of this heavenly daughter (она приобретает черты божественной дочери). I need you as my guide and my light (ты нужна мне как путеводитель и свет). Она является собой составляющую часть божественного чуда: ain't no sunshine when she's gone (когда она уходит - солнце не светит) [2,с.243].

«Космос», «небесные королевства» являются фоном, на котором разворачиваются события космической любви: stars will fall from dark skies as ancient rocks are turning (звезды будут сыпаться с темных небес как вращающиеся старинные скалы), heaven's realms in the seedlings of this tiny flower (небесные королевства в сажнице крохотного цветка). Слова world (мир) и planet (планета) определяют охват чувств героя: shut out the world behind us (оставь мир позади нас), when the worlds dividing (когда миры разделяются), feeling that the world's gone - чувство, что мир исчез. Его любовь пронизывает космос, имеет планетарную локализацию: fix that wounded planet with the love of your healing (спаси эту раненую планету любовью своего исцеления), I have been searching the planet to find sacred love (я по всей планете искал священную любовь).

Другой составляющей, подчеркивающей космический масштаб мотива любви, является образ неба. Слова sky (небо) и heaven (небеса), упомянуты в текстах 27 раз, в то время как слово «земля» всего 6 раз. Образ неба имеет разные смыслы. Небо имеет персонафицированные черты: jealous sky (ревнивое небо), sky grew dark (небо мрачнеет). Также, наряду с небом, часто повторяемым словом является слово-синоним heaven (небеса). Согласно Oxford Dictionary слово «heaven» в своем первом значении имеет следующее определение «a place regarded in various religions as the abode of God (or the gods) and the angels, and of the good after death, often traditionally depicted as being above the sky» («место, которое в различных религиях считается местом обитания Бога (или богов) и ангелов, а также воплощает собой обитель добра, куда человек попадает после смерти; традиционно располагается выше неба») [4]. В текстах Стинга «небеса» подразумевают некое царство божие: shout me name at heaven's gate (прокричать свое имя в небесных вратах), I saw the work of heaven (я видел работу небес), heaven's realms (небесные королевства).

Образ неба привносит в мотив космической любви условную локализацию. С одной стороны неустранимость и постоянное присутствие небес, божества, с другой - явное дистанцирование от неба: empty skies above (вверху пустые небеса).

Упоминание в мотиве небесных светил (солнца, звезд), включает их в процесс переживания любви лирическим персонажем, расширяя тем самым границы событий до космических: million stars were shining (миллионы звезд светили), stars will fall from dark skies as ancient rocks are turning (звезды будут сыпаться с темных небес как вращающиеся старинные скалы), stars keep secrets (звезды хранят секреты), outside the stars are turning (снаружи вращаются звезды).

Итак, мотив «космической» любви создается с помощью уподобления творцу образа лирического героя и возвеличивания любимой, а также таких глобальных образов, как миры, планеты, небесные светила и океан.

Список литературы:

1. Козлов, А.С. Рок-музыка: истоки и развитие / А.С. Козлов. - М.: Знание, 1990. - 115 с.
2. Стинг, Разбитая музыка / Стинг – Екатеринбург.: У-Фактория, 2005. – 364с.
3. Discography [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.sting.com>, свободный. – Загл. с экрана .
4. Oxford Dictionary [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://oxforddictionaries.com/definition/english/>, свободный. – Загл. с экрана .
5. Rolling Stones Magazine [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.rollingstone.com>, свободный. – Загл. с экрана .

*Голованова Ольга Ивановна,
доцент, Тюменский государственный нефтегазовый университет*

ТЕКСТ КАК МОДЕЛИРУЮЩАЯ СИСТЕМА МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация: «Тюменский» исторический текст как объединение в смысловой последовательности знаковых единиц фиксирует явленность языка в его конкретной исторической и национальной форме, позволяет вскрывать ментальные свойства его носителей. В нем отражаются межэтнические отношения, которые складывались не в столице, а в провинции, тем более в далекой Сибири, которая во второй половине XVIII века в сознании российских обывателей воспринималась отдельно от России.

Ключевые слова: текст, источник, скоропись, Тюменский уезд.

В настоящее время понятие «текст» является единицей коммуникации. «Тюменский» текст XVIII века, фиксирующий взаимодействие центральной и «региональной» языковых систем, сохранение старых языковых единиц и формирование новых норм, в лингвистическом отношении является богатейшим источником. Неопределима значимость его изучения для восстановления историко-культурного портрета Тюмени и определения специфики в контексте истории Российского государства.

Россия имеет многовековой опыт мирного сосуществования разных этносов в одном государстве, взаимовлияние которых и определяет специфику социокультурного развития страны.

Так, тексты Тюменского уезда второй половины XVIII века засвидетельствовали межэтнические отношения русскоязычного и тюркоязычного народов. Особенностью их изучения является трудность прочтения в силу скорописного варианта написания и проблема преодоления культурной дистанции.

Нами обнаружены сведения о численности населения уезда на 1782 г.: «Итого в городе Тюмени и уезде онаго купцов 52 мещан и цеховых 1862 государственных крестьян 7778 экономических крестьян 1144 ямщиков 1727 дворовых людей – 174 отставных дворян сын боярских салдат и казаков мастеровых и детей их 655 полских конфедератов малороссиань и детей их 30 поселщиков положенных в подушной оклад 69 ясажных крещеных и некрещеных татарь 1474 бухарцов 606 у них дворовых людей ис пленных карыкалпаков 24 а всего 15595» [2, с. 89 об.].

Таким образом, Тюменский уезд представлял собой полиэтническое общество с различными традициями и нравами, обрядами и обычаями, ритуалами и церемониями, манерами и этикетом.

В качестве примера обратимся к следственному делу о пожаре в Больших Акиярских юртах Тюменского уезда. 21 мая 1792 года произошел пожар в юрте Юсупа Азанова. Местные жители, как сообщается в рапорте Шамы Исенбаева, были в это время на своих пашенных землях. В тушении пожара участвовали, кроме сбежавшихся на пожар обывателей, «мимо едущие с приказом из Тюменского нижнего земского суда салдат Якимов и с ним волостной староста Луппъ Кособоровъ и выборной Широковской, ... кои в томъ несчастии какъ наивозможно приложили старание к унятию того огня» [1, с. 130].

Следственное дело представлено следующими документами: рапорт в Тюменский нижний земский суд апекуна Акиярских юрт Шамы Исенбаева, рапорт в Тюменский нижний земский суд от дворянского заседателя прапор-

щика Демидова, допрос, содержащий допросные речи ясачных татар Юсупа Азанова, Аитпака Бикбулатова и Мусы Бехметьева, повальный обыск с 23 ясачных татар и рапорт в Тобольское наместническое правление.

Далее приведем фрагмент транслитерированного допроса ясачного татарина Юсупа Азанова: 1792го года мая 31 дня по рапорту Червишевской волости юрть Болшихь Акиярских апекуна Шамы Исенбетева а на оном по постановленному в Тюменском нижнемъ земскомъ суде журналу о згоревших в техъ юртах Акиярских дву домах <...> люди на месте в означенных юртах Акиярских допрашиваны и показали: ясашной татаринъ Юсупъ Азановъ от роду ему сорокъ летъ в грамоте по махOMETанскому закону писат несколько уметь а читать не знает по руски говорит умеет же; женат детеи имеетъ четырех сынов и две дочери, жил до пожара в означенных юртах Акиярских своим домом скотоводство и хлебопашество производить, напред сего в штрафах наказанія и ни в каких подозрениях никогда и ни за что не бывал и нынешнего 1792го года мая 20 дня в самые полдни приехал онъ Юсупъ с пашни домои стал поужинат; а жена ево Саганта Рахмангулова затопила ачакъ в котором вмазанъ котіоль а по татарских называютъ казань в коемъ грела воду для печения хлеба; и в тот же самои часъ услышал онъ Юсупъ что кричить руской человекъ, что де юрта твоя горит почему онъ Юсупъ в ту жь самую минуту выбежал на улицу и увидел кричит Червишевскаго волостнаго суда староста Луппъ Кособоров а также увидель что на юрте ево крышка горит и онъ Юсупъ вскочилъ на кровлю и начал разбрасыват драницы а при том кричать что юрта ево горит почему и збежалось на крыкъ ево татарь человекъ до пяти кои потому ж стали огонь тушить <...> згорело ж у него Азанова хлеба овса пять четвертеи полбы две четверти четыре четверика ячменю четверть четыре четверика ржи шесть четвертеи гречи семь четвертеи четыре черверика, платья две шубы бараньи три рубли <...> а згоревшее строение стоило двадцети рубли а всего кроме хлеба на сорокъ адинъ рубль пятнадцать копек; и в сем допросе показал самую истинну в томъ и утверждайтца (далее - арабская графика) [1, с.132-133].

Список литературы:

1. Голованова, О.И. *Документы Тюменского нижнего земского суда (1782–1796 гг.): в двух книгах / Авт.-сост. О.И. Голованова; под общ. ред. О.В. Трофимовой. – Тюмень: Мандр и Ка, 2008. – Книга первая: тексты. – 352 с.*
2. ГУТО ГАТО. Ф. И-10. «Тюменский нижний земский суд». Д.1. *Указы от высшего правительства с начала открытия Тюменского нижнего земского суда. Лл.1-265.*

*Яркаева Эльвира Динаровна,
студентка, ГБОУ ВПО «Московский городской
педагогический университет», г. Москва*

*Иванова Анна Михайловна,
доцент, ГБОУ ВПО «Московский городской
педагогический университет», г. Москва*

К ПРОБЛЕМЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые закономерности проявления феномена межъязыковой лексической интерференции в переводе художественного текста, предлагаются эвристики интерпретации «ложных друзей переводчика» и пути предотвращения или уменьшения количества переводческих ошибок при работе с ними.

Ключевые слова: лексическая интерференция, билингвизм, художественный перевод, «ложные друзья переводчика».

На сегодняшний день проблема исследования феномена межъязыковой интерференции получает широкое освещение в теории лингвистики и межкультурной коммуникации, а также в теоретическом и практическом переводе. Тем не менее, можно признать, что само понятие лексической межъязыковой интерференции остается недостаточно раскрытым, и в современных лингвистических работах может интерпретироваться по-разному. Более того, значимым и актуальным следует признать возможность исследования данного многоаспектного феномена на материале переводов художественных произведений, т.к. в данном случае межъязыковая интерференция изучается как переводческая проблема, т.е. через поиск эффективных путей ее решения.

В большинстве случаев под лексической межъязыковой интерференцией понимаются все вызванные межъязыковыми связями изменения в составе лексического инвентаря, а также в функциях и употреблении лексико-семантических единиц, в их смысловой структуре [1]. Э. Хауген полагает, что интерференция есть частичное совпадение, когда язык является элементом двух разных систем одновременно [4, с. 61-80], что означает, что лексическая интерференция представляет собой лишь один аспект более сложного вида данного феномена, представляющего собой лингвокультурную интерференцию. Под лингвокультурной интерференцией понимается полное или частичное несовпадение культурных коннотаций одного языка с другими [3, с.71-73]. Такая сложность может возникнуть между коммуникантами, прежде всего, из-за несовпадений картин мира и разного восприятия одних и тех же вещей.

Перевод на уровне слова, с которым можно соотнести лексическую межъязыковую интерференцию, достаточно частотен и распространен, при этом сложность процесса интерпретации художественного перевода на лексическом уровне заключается в несовпадении семантических структур в языке исходного и переводного текста. Имея дело с «ложными друзьями переводчика», недостаточно профессиональный переводчик исходит из неверного предположения о значении слова и решает, что в языке перевода слово имеет то же значение, что и в его родном языке. Таким образом, неучет семантиче-

ских различий порождает буквальные переводы, которые искажают смысл оригинала и препятствуют процессу эффективной межкультурной коммуникации.

Рассмотрим особенности проявления лексической межъязыковой интерференции на примере романа современного британского писателя Н. Хорнби «Мой мальчик» в переводе К. Чумаковой.

В ходе изучения материала данного произведения в оригинале и переводе было отмечено более 100 примеров проявления феномена межъязыковой интерференции на лексическом уровне. Интерпретация и анализ примеров позволяют сделать интересные выводы о частеречной градации «ложных друзей переводчика» в художественном тексте. Так, наиболее частотными являются существительные, такие как, например, *person, character, baguette, principal* и мн. др.. Далее по численности идут прилагательные (например, *brilliant, eccentric, solid, intelligent* и прочие), наречия (такие как *sympathetically, genuinely, basically, generally, finally* и др.), глаголы (*pretend, realize, testify*), междометия (*oh, wow, hey*, которые также подвержены лексической межъязыковой интерференции, потому что то, как говорящий выражает определенные эмоции с помощью междометий, варьируется в зависимости от языка) и причастия (*computer-generated*) соответственно.

Рассмотрим пример из текста оригинала и сравним его с переводным текстом. Так, в предложении *If a complete stranger were to sit down next to you in a coffee shop and tell you quietly that he liked Pinky and Perky as an opening conversational gambit you could only presume that you were about to be decapitated and hidden under the floorboards* «ложными друзьями переводчика» являются лексемы *coffee shop* и *gambit*. Для носителя русского языка данные слова могут представляться как *кофейный магазин* и *гамбит* соответственно. К. Чумакова предлагает следующий перевод: *Представьте: сидящий □ с вами рядом в кафе незнакомец попытается вдруг вкрадчивым голосом завести разговор о своем увлечении поросятами Пинки и Перки! Тут любви □ решит, что это маньяк, который □ скоро порубит тебя на куски и закопает под полом.* Если лексема *coffee shop* из оригинального текста была интерпретирована как *кафе*, что может быть оценено как адекватный перевод, то слово *gambit* (которое имеет такие словарные эквиваленты, как *начало, зачин, начальная фраза, первый шаг* и *гамбит*) в данном случае опускается в переводе и заменяется фразой *завести разговор*, т.е. переводчик использует прием перефразирования.

При сопоставлении текста романа на английском языке и его перевода мы также можем провести градацию частотности применения того или иного способа решения проблемы лексической межъязыковой интерференции, т.е. перевода «ложных друзей переводчика», предлагаемых в работах Л.С. Бархударова, А.В. Федорова, Я.И. Рецкере, В.С. Виноградова и Е.В. Бреуса. Так, можно сделать вывод о том, что, несмотря на то, что в пособиях по переводоведению в качестве самого распространенного способа перевода «ложных друзей» указывается подбор полного, частичного или относительного эквивалента при помощи словаря [2], на практике наиболее распространенным можно признать перевод подбором вариантного соответствия по словарю и контекстуальный перевод.

Подбор вариантного соответствия при помощи словаря представляет наиболее адекватным и частотным решением проблемы межъязыковой интерференции, т.к. в большинстве случаев лексема в английском языке многозначна и имеет разные варианты перевода на русский язык. В качестве примера можно привести следующий контекст из романа Н. Хорнби: *If you were*

falling in love with someone beautiful and intelligent and all the rest of it, then feeling like a blank twit put you at something of a disadvantage (Если уж влюбляешься в кого-то красивого, умного и тому подобное, ощущение того, что ты **полный кретин**, не дает тебе преимуществ). Слова *intelligent* и *blank* в данном случае есть «ложные друзья переводчика», т.к. для русскоговорящего человека они представляются схожими с *интеллигентный* и *бланк*. Использование словарей и анализ предлагаемых в них значений (*intelligent* может быть передано словами *умный, сообразительный, мысленный, здравый, понятливый, знающий*, а слово *blank* – *пустой, чистый, бледный, озадаченный, полный, чистейший, абсолютный* и т.д.) позволяет подобрать адекватные варианты для перевода.

Также частотен **подбор контекстуального соответствия**, т.е. перевод с опорой на контекст, в широком смысле – на сюжет произведения. В данном случае ни один из предложенных в словаре вариантов значения не подходит, и переводчик прибегает к описательному методу перевода или заменяет одну лексическую единицу словосочетанием или, например, цепочкой прилагательных. Примером может быть такое предложение, как *The trainer shop was huge and crowded, and the lighting made all the customers look ill; everyone had a green tinge, regardless of their original colour* (Магазин кроссовок был огромен, и в нем было полно народу. В свете его ламп все покупатели казались больными: он придавал их лицам зеленоватый оттенок, независимо от цвета их кожи, в котором переводчик прибегает к приему генерализации, сводя значение прилагательного *original* к словосочетанию *цвет их кожи*, что в принципе равнозначно словосочетанию *их настоящему/обычному цвету кожи*. Переводчик интерпретирует данную сложность не эквивалентом или вариантным соответствием, а исходя из широкого контекста.

Поиск эквивалента при помощи словаря – полного, частичного или относительного – целесообразно применять в случае, если слово однозначно, можно полагаться на словарь независимо от контекста. Например, в предложении *Marcus began to giggle, a peculiar high-pitched miaow that sounded nothing like himself or any other human but proved to be extraordinarily infectious* переводчик-дилетант может перевести выделенное словосочетание как *экстраординарно инфекционный*. К. Чумакова прибегает к подбору словарных эквивалентов и предлагает адекватный перевод «ложных друзей переводчика» и данного предложения в целом: *Маркус начал хихикать таким особенным, тоненьким, мяукающим смехом, не похожим на его обычный смех, ни вообще на смех человеческого существа, но удивительно заразительным.*

Кроме того, в работах по переводу «ложных друзей переводчика» не упоминаются такие приемы перевода данных лексем, как, например, опущение «ложного друга переводчика» в случае перевода с опорой на контекст, а также такие возможные трансформации, как генерализация, замена частей речи и некоторые другие. Например, в контексте *She looked up from the remnants of her biscuit and laughed, embarrassed* (Она оторвала взгляд от остатков своего печенья и, смутившись, засмеялась) лексема *biscuit* со словарным значением *хрустящее, крошащееся печенье или крекер* в процессе перевода генерализуется в просто *печенье*. Иллюстрацией приема опущения является предложение *Will got a bit... fed up sometimes, but he couldn't pretend it was anything stronger than that* (Уиллу это, конечно, иногда поднадоело, но не более того.) В данном случае переводчик просто опускает единицу, которая могла бы вызвать трудность, и предлагает перевести ее словосочетанием *но не более того*.

Отметим, что проблема преодоления лексической межъязыковой интерференции и создания эвристик интерпретации «ложных друзей переводчика» в переводе остаются актуальными и значимыми в лингвистике и межкультурной коммуникации именно в связи с малым количеством предлагаемых способов перевода и неразработанностью их классификаций. В настоящее время основной причиной возникновения явления межъязыковой интерференции является ускоряющийся процесс глобализации информационных сетей и общий рост количества межъязыковых контактов, вследствие чего единицы одного языка быстро проникают и приживаются в другом языке, тем самым порождая переводческие трудности, а иногда и ошибки. Как представляется, изучение способов устранения данной проблемы на материале художественных произведений и их переводов позволяет найти рациональные и эффективные пути ее решения.

Список литературы:

1. Жлуктенко, Ю.А. *Лингвистические аспекты двуязычия* / Ю.А. Жлуктенко. – Киев: Вища школа, 1974. – 176 с.
2. Рецкер, Я.И. *Теория перевода и переводческая практика: очерки лингвистической теории перевода* / Я.И. Рецкер. – М.: Р.Валент, 2007. – 244 с.
3. Тимачев, П.В. *Несовпадение картин мира как причина лингвокультурной интерференции* / П.В. Тимачев // *Вест. Волгогр-го гос. ун-та. Сер. 9: Исследования молодых ученых.* – № 6. – Волгоград: ВГУ, 2007. – С. 71–73.
4. Хауген, Э. *Языковой контакт* / Э. Хауген // *Новое в лингвистике. Языковые контакты.* – 1972. – № 6. – С. 61–80.

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА РАЗНЫХ ЭПОХ В СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ И КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

*Шарлаимова Галина Терентьевна,
доцент, Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В РОМАНЕ Э. ПИРСОН “I DON'T KNOW HOW SHE DOES IT”

Аннотация: В статье анализируются лингвостилистические средства репрезентации гендерных стереотипов в жизни героини романа Эллисон Пирсон. Рассмотрены стереотипы относительно социальных ролей деловой женщины, матери, жены.

Феномен современной деловой женщины пока еще не нашел достаточного отражения в исследованиях, посвященных женской литературе, хотя он все чаще становится объектом культурологических, социологических и психологических исследований (Н.В. Новикова, О.А. Абрамян, Л.М. Богатова, И.С. Клецина, М.В. Мурашова, Н.Н. Римашевская, Д.В. Воронцов, К. Лемайте, Е. Вовк и др.). Возможность реализации социальной активности в профессиональной деятельности и достижения высокого положения в бизнесе и политике расширила спектр социальных ролей женщины. Однако сложность выбора между карьерным ростом и семьей приводит не только к постоянным физическим и ментальным перегрузкам, но и к социальным конфликтам, поскольку связана с укоренившимися в обществе гендерными стереотипами.

В романе английской журналистки и писательницы Эллисон Пирсон «И как ей это удается» (Allison Pearson «I Don't Know How She Does It») [1] показана жизнь именно такой современной успешной деловой женщины — фондового менеджера Кейт Редди, которой приходится совмещать свою творческую работу в Лондонском Сити, требующую полной отдачи сил, с социальными ролями матери двоих маленьких детей, жены и хозяйки дома.

В зарубежных социологических исследованиях женщина, совмещающая несколько важных социальных ролей и пытающаяся быть успешной в каждой из них, получила название «жонглирующей женщины» (*a juggling woman*). Глагол *juggle* в английском языке, помимо своего прямого значения «жонглировать», имеет еще несколько значений: «стараться удержать в руках, не уронить», «делать (несколько дел) одновременно, совмещать, балансировать (нужды семьи и работы)» и «заниматься подтасовкой, фальсификацией» [2]. Таким образом, термин раскрывает не только невероятно ускоренный ритм жизни такой женщины, но и трансформацию ее социокультурного статуса, изменение ее полоролевых функций, что ведет к обману ожиданий окружающего ее социума.

В жизни женщины, жонглирующей работой и домом, находят отражение так называемые гендерные коллизии постмодерна, отмеченные в социально-философских исследованиях результатов женской эмансипации. Самым значительным противоречием в системе современных гендерных отношений

стала маскулинизация женщины [3]. Отвоеывая у мужчины все больше бытийного пространства, женщина постепенно теряет свою онтологическую определенность, преодолевает свою истинную женственность и приближается в социокультурном плане к своей противоположности — мужчине. Это приводит к гендерной конвергенции, размыванию резких границ в структуре гендерной оппозиции, основанной на противостоянии между феминными и маскулинными полоролевыми поведенческими стратегиями. Происходящие под воздействием эмансипации гендерные изменения уже стали неотъемлемой частью современной культуры, но тем не менее, над женщиной, стремящейся реализовать себя одновременно в семье и в карьере, продолжают довлеть гендерные стереотипы, предписывающие нормы поведения в обществе и выстраивание отношений с людьми в соответствии с характеристиками своего пола.

Главная героиня романа предстает перед читателем как сильная, независимая, профессионально успешная женщина, стремящаяся совместить традиционные женские ценности с ценностями эмансипации. С одной стороны, ей присущи типичные женские качества: забота о муже и детях, доброжелательность и отзывчивость, умение вести домашнее хозяйство; она привлекательна, обладает безупречным вкусом. Одновременно она выполняет традиционно мужские роли: зарабатывать денег на содержание семьи и дома, успешное продвижение по карьерной лестнице, при этом демонстрируя такие качества, как мобильность, независимость, самостоятельность, умение держать дела под жестким контролем. Однако закономерным итогом такой маскулинизации является стрессогенность ее существования как в результате постоянной нехватки времени, так и в попытках противостояния существующим социокультурным полоролевым стереотипам.

В романе Э. Пирсон показано действие в жизни главной героини стереотипов, касающихся трех ее социальных ролей: успешный профессионал, мать и жена. Традиционные стереотипы относительно бизнес-леди в основном включают в себя следующие суждения: женщине не место в мужском деловом мире, она неспособна выполнять работу лучше мужчин или так же хорошо, как они. Кейт успешно противодействует этим взглядам. Ее деловая активность порой становится даже выше мужской. Именно ей поручают работу с важными клиентами и ответственные командировки. Но обусловлено это лишь тем, что в восприятии окружающих деловитая, энергичная, логически и творчески мыслящая Кейт является мужеподобным роботом: она думает и поступает во многих случаях как представитель сильного пола.

В мужском мире, среди коллег по работе Кейт вынуждена вести себя так, чтобы как можно меньше походить на слабый пол. Опаздывая на работу из-за того, что ей пришлось полночи готовиться к мероприятию в школе дочери, затем делать уборку, а утром решать проблемы со здоровьем маленького сына и ждать опаздывающую няню, Кейт понимает, что в глазах мужчин все эти причины несерьезны. Подстраиваясь под мужской менталитет, она вынуждена изобретать оправдания, которые она называет *Male (Man's) excuses*. Самой действенной отговоркой является все, что связано с автомобилями и дорожным движением, поэтому она говорит, что застряла в пробке, и в этом случае находит сочувствие и понимание начальника. Однако у этого проявления гендерной конвергенции есть и оборотная сторона. Мужчины-начальники воспринимают Кейт как ценного члена команды и относятся к ней как к «своему парню»: за хорошую сделку босс обещает купить ей кружку пива, и не стесняется в выражениях в разговоре с нею.

Преодолев подчиненное от мужчин положение в обществе, став на одну плоскость с мужчинами, Кейт одновременно лишается женственности в социокультурном измерении. Чем успешнее она как профессионал, тем жестче становится ее характер, тем меньше в ней природной женской мягкости. Презрительно-снисходительное отношение к коллегам-мужчинам выражается в лексиконе Кейт: по отношению к мужчинам из своего офиса она использует глумливую лексику: *useless blokes, gorillas, bastards, potato heads, a brainache, a cokehead, a piece of shit, the little creep, some dandruffed drone*.

Однако, несмотря на свой ум и успех в сфере финансового бизнеса, Кейт все равно не может уверенно себя чувствовать на их территории, которую она обозначает как *Man's Land*. Дискриминация по половому признаку проявляется и в отношении воспитания детей: мужчина, занимающийся проблемами детей, объявляется идеальным отцом (*selfless, doting paternal role model*), в то время как женщина, ставшая роль матери выше рабочих обязанностей, считается безответственной сотрудницей (*disorganised, irresponsible and Showing Insufficient Commitment*). Разрывающаяся между необходимостью быть на утреннике в школе своей дочери, между недомогающим годовалым сыном и важным деловым совещанием, Кейт приходит к выводу о том, что демонстрация материнских чувств воспринимается в фирме как симптом беспомощности и предательства в отношении корпоративной культуры. Биологические отличия по-прежнему определяют отношение к женщине в мужском мире. Поэтому расхожий тезис о равенстве возможностей не может не вызывать у главной героини иронического отношения. Она неоднократно задает себе вопрос: “Do I believe in the equality of the sexes?”, но с горечью вынуждена констатировать истину, которая определяет ее положение на работе: “Chauvinism is the air I breathe” [1, c.124].

Следующий гендерный стереотип в отношении роли женщины в обществе касается материнства: рождения и воспитания детей. Хорошая мать воспринимается обществом как таковая, если она посвящает детям много времени, и героиня сама формулирует эту идею: “Woman is supposed to be home with the children” [1, c.271].

Но для Кейт Редди это большой вопрос. Любимая работа отнимает у нее слишком много времени и сил, в ущерб семье и детям. Тем не менее, несмотря на свою невероятную занятость, Кейт старается находить для своих детей время и вникать во все их проблемы, думает об их будущем, анализирует их личностное развитие. Она обожает своих детей, хочет быть с ними, но ей это не всегда удается, что выражено в романе антитетическими повторами: “They are the best thing and the most impossible thing <...>. Life is a riddle and they are the answer” [1, c.165]. Для описания своего положения в глазах детей Кейт использует такие метафоры, как *богиня, надежная гавань, суперзвезда*: “There is no God but Mummy, and Daddy is her prophet” [1, c.10]; “A mother of a one-year-old boy is a movie star in a world without critics” [1, c.79]; “Daddy is the ocean, Mummy is the port: the safe haven they nestle in to gain the courage to venture further and further each time. But I know I'm no harbor” [1, c.176]. Остро чувствуя нехватку времени для полноценного общения с детьми, она постоянно испытывает чувство вины перед ними и сравнивает себя с кораблем, плывущим по морю жизни, а своих детей — с чайками, пытающимися докричаться до нее: “I am a ship in the night and my children yell as gulls as I pass” [1, c.176].

Размышления о роли матери занимают большое место в романе. Два противоположных по своей сути женских менталитета: радикальный менталитет эмансипированной деловой женщины и традиционно-консервативный жен-

ский менталитет, ориентированный на выполнение своих природных функций, лежат, по мнению Кейт, в основе двух типов матерей: идеальных неработающих “Mothers Superior” и вечно занятых “Mothers Inferior”. Матерей первого типа она шуточно представляет как некое сообщество (the powerful, stay-at-home cabal of organized mums), отличающееся нетерпимостью к матерям, не соответствующим образу, освященному временем. В романе они остроумно названы the Muffia (слияние слов mummy и mafia). Сама Кейт принадлежит к матерям «второго сорта»: работающим измученным «плохим матерям», которые остро чувствуют свою неполноценность в обществе «настоящих» матерей и подвергаются общественному осуждению. В кругу неработающих матерей она чувствует себя чуждой, ей неловко в их обществе, она не владеет необходимыми специфическими правилами общения, принятыми среди них: “But I never joined the Muffia; I don't know the code, the passwords, the special handshakes” [1, с.51].

Ощущая свою неадекватность в роли матери, Кейт постоянно мучается угрызениями совести, что она могла бы больше времени уделять детям, а не работе. Слова guilty, remorse, blame неоднократно встречаются на протяжении романа, свидетельствуя о постоянных муках совести, испытываемых героиней романа. Страстно любя своих детей и желая быть хорошей матерью, в реальности на первое место Кейт ставит работу. Действия не согласуются с приоритетами, отсюда преследующее ее чувство вины. Это красная нить среди всех эмоций, которыми пропита жизнь Кейт. В своих ночных кошмарах она трижды предстает перед Судом Материнства (Court of Motherhood), где обвиняется в пренебрежении своими материнскими обязанностями. В первый раз Кейт не признает своей вины перед детьми, оправдываясь тем, что может на заработанные деньги обеспечивать детям комфортную жизнь. Представ перед судом во второй раз, она соглашается с обвинением, но, даже признавая свою вину перед детьми, она вслед за этим торопится на работу. Третьего суда героиня уже не боится: она раскаялась во всех случаях, когда недодавала детям необходимого внимания. Третий Суд Материнства завершает процесс переосмысления героиней дилеммы «работа или дети». Кейт прекращает противодействие гендерному стереотипу относительно материнства как главной социальной функции женщины и становится мамой на полный рабочий день. Деловая женщина терпит поражение, но выигрывает счастливая мать.

Еще один стереотип заключается в убеждении, что женщина должна вести домашнее хозяйство, а мужчина должен содержать семью. Такой стереотип наблюдается и в жизни героини романа. Как сильная и волевая женщина, она считает, что все должны одобрять или хотя бы понимать ее образ жизни, ведь именно она является основным кормильцем в семье. Но родственники и знакомые Ричарда ее образ жизни только лишь критикуют, объясняя это тем, что место женщины – дома, лишь в семье для нее настоящая жизнь: “Up here people think that I am a freak for having a job instead of a life” [1, с. 55].

Муж Кейт старается с терпением относиться к тому, что она временами продолжает свою профессиональную деятельность дома, а ему приходится смотреть за детьми, играть с ними и менять памперсы. В их доме, казалось бы, установлено некоторое гендерное равенство и взаимовыгодное партнерство. Однако Кейт раздражает то, что Ричард по-мужски безразличен к мелочам, на которые всегда обращает внимание женщина: он забывает купить полотенца для кухни, не знает, где лежит та или иная вещь, не оплачивает вовремя парковку машины. Кейт настолько входит в мужскую роль и в семье, что не понимает, почему муж не хочет с такой же самоотдачей входить в роль

женщины. Кейт дает мужу поручения, делает ему замечания, критикует его, то есть берет на себя доминирующую роль в семье, но задумывается об этом она лишь после того, как муж указывает ей (пока еще в шутливой форме) на этот не очень приятный для его мужского самолюбия факт.

До поры до времени Кейт удается выполнять несовместимые друг с другом ролевые действия, но стресс нарастает. Американский психолог Джоан Борисенко, под впечатлением романа Э. Пирсон написавшая книгу в помощь деловым женщинам, выразила эту ситуацию словами: «вечно бегущий мир набирает нечеловеческие обороты» и «центробежная сила мира грозит разорвать на куски» [4, с. 24]. В конечном итоге Кейт переживает глубокий внутриличностный конфликт и комплекс самоидентификации: “I am married, but am not a wife, I have children, but am not a mother. What am I?” [1, с. 291]. Уход мужа является шоком для Кейт, и она вдруг осознает, что счастливый дом, крепкая семья держатся на женщине. Ища поддержки в опыте мировых религий, она находит цитату из Талмуда, в которой понятия «дом» и «жена» предстают как равнозначные: “I have never called my wife ‘wife’, but ‘home’” [1, с.291]. В итоге Кейт решает эту постоянно изводящую ее дилемму - дом или работа? - в пользу семьи и принимает на себя традиционную роль женщины как хранительницы домашнего очага.

Перерождение героини показано через такой стилистический прием, как хиазм на уровне всего текста романа. Повторяющиеся фрагменты текста в первой и последней главах выпукло представляют центральную тему романа: переосмысление деловой женщиной-матерью своего места в жизни. В обоих отрывках хронотоп идентичен: кухня, 1.37 ночи.

Начало текста романа: “‘Kate, what do you think you are doing? It's two o'clock in the morning'. Richard is standing in the kitchen doorway wincing at the light. <...>. Rich with his acres of English reasonableness and his fraying kindness <...> 'Darling, please come to bed. You have to be up in five hours'” [1, с.5-6].

Конец текста: “‘Kate, what do you think you are doing? It's two o'clock in the morning'. My husband Richard is standing in the doorway of the kitchen. Rich with his acres of English reasonableness and his invincible kindness. 'Darling', he says, 'it's so late'” [1, с.353-354].

Однако эти отрывки текста описывают противоположные ситуации. Кейт ночью занимается решением важной задачи: в начале романа, оторвавшись от профессиональной деятельности, она готовится к утренику дочери, т. е. решает семейную проблему; в конце романа, после завершения хлопотливого дня с множеством домашних дел, она составляет бизнес-план по организации производства детских игрушек, что помогло бы решить проблему безработицы в одном из кварталов Лондона, населенном иммигрантами. В обоих случаях это занятие Кейт заканчивается уборкой кухни, похожей на поле боя после битвы.

Начало текста : “Seeing Richard go upstairs, I long to follow him, but I can't leave the kitchen in this state. I just can't.” [1, с. 7].

Конец текста: “Seeing my husband go upstairs, I long to follow him, but I can't leave the kitchen in this state. I just can't.” [1, с.354].

Из этих отрывков видно изменившееся отношение Кейт к мужу: в нем больше тепла, ей доставляет удовольствие повторять слова 'my husband'.

Таким образом, автор показывает, как первоначальное успешное противодействие “жонглирующей” деловой женщины-матери общественным гендерным стереотипам в конечном итоге приводит героиню к переосмыслению своей роли в социуме. Хотя и не изжив в себе полностью деловую женщину,

Кейт Редди жертвует карьерой и во главу угла ставит семью и ее благополучие, возвращаясь к традиционным ценностям: материнству и сохранению домашнего очага.

Список литературы:

1. Pearson A. *I Don't Know How She Does It* / Allison Pearson. – Vintage. 2003. – 357 с.
2. *Англо-русский словарь общей лексики [Электронный ресурс]*. – Режим доступа: <http://Lingvo.Pro.abbvonline.com/ru/Translate/en-ru>. – Свободный. – Загл. с экрана.
3. Богатова Л.М. *Эмансипация: finita la femina? (опыт социально-философского исследования)* / Л.М. Богатова. – Казань: Центр инновационных технологий, 2009. – 90 с.
4. Борисенко Д.З. *Внутренний покой деловой женщины. Как привести в равновесие работу, семейную жизнь и ваш внутренний мир* / Д.З. Борисенко — СПб., ИГ "Весь", 2010. – 224 с.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МЕТОДЫ, ШКОЛЫ, НАПРАВЛЕНИЯ, ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СИСТЕМЫ

Бабенко Ирина Андреевна,
аспирант кафедры отечественной и мировой литературы,
ФГАОУ ВПО Северо-Кавказского федерального университета,
г. Ставрополь

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИЯХ ГРОТЕСКА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Аннотация: В статье проанализированы некоторые теоретические интерпретации гротеска с целью определения основных функций, выполняемых им в художественном тексте. Различие эстетических парадигм обуславливает различие функциональной направленности феномена.

Ключевые слова: гротеск, функция, художественное мышление, эстетическая парадигма, типология.

**Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ,
проект 14-54-00025.**

Гротеск является одним из наиболее обсуждаемых вопросов литературоведения. Начиная с середины XIX отечественные и зарубежные исследователи (Б.М. Эйхенбаум, М.М. Бахтин, Ю.В. Манн, А.Ф. Лосев, Д.П. Николаев, Ф. Шлегель, Г. Шнееганс, В. Кайзер, Ф. Дюрренматт и др.) дискутируют о его сущностных и формальных характеристиках. Исключительную важность в различных концепциях имеет вопрос о функциях, которые гротеск выполняет в художественном тексте. Немецкий ученый В. Кайзер, анализируя преимущественно произведения романтиков и модернистов, полагал, что гротеск «выкликает демонические силы, контрастируя тем самым и с Божьими, и с человеческими делами; создает образ отчужденной реальности, отпадающей, надо думать, от той, что выступает для субъекта в виде интимно знакомой и/или нормативной» [Цит. по: 5, с. 206]. Так гротеск, по мысли Кайзера, выявляет свою ирреальную, тотально негативную природу. В противовес этой позиции М.М. Бахтин на материале литературы и культуры Средневековья сделал вывод о том, что гротеск есть способ обретения свободы, объективности, нового взгляда («внешняя свобода народно-праздничных форм была неотделима от их внутренней свободы <...> давала *новый* положительный аспект мира и одновременно давали право на его безнаказанное выражение [1, с. 291] (курсив автора – *И.Б.*)). Открытие скрытого знания возможно именно благодаря парадоксальному взгляду, иному, «перевернутому» мировосприятию гротеска. По словам исследователя, «мысль и слово ищут новую реальность за видимым горизонтом господствующего мировоззрения» [Там же].

Исследователи функционирования гротеска в реалистической парадигме выделяли уже несколько другие его функции. Так, Д.П. Николаев отмечал, что основное предназначение гротеска – «*обнажить* окружающие явления *от покровов обыденности*» [4, с. 224] (курсив автора – *И.Б.*). Ученый определяет эту функцию как сатирическое преувеличение. Все средства формирова-

ния гротескного мира, таким образом, направлены на избавление от недостатков действительности, на придание вещам их истинного вида. Д.П. Николаев указывал и на то, что гротескная форма позволяет художникам выразить мысли, которые не могли в прямом виде быть донесены до читателей. Эта функция в терминологии исследователя носит название «иносказательной». Важную роль играет и функция «предвидения», характерная для гротеска, т.е. изображение возможного развития событий в личной, общественной, политической сферах, основанное на глубоком знании действительности и ее законов. Отсюда определяется основная функция гротеска – выявление типического. При всем внешнем разнообразии, дисгармоничности и эклектичности эта категория нацелена именно на типологическое обобщение. Преувеличение, деформация, выход за пределы реальности служат цели выявления того наименьшего набора признаков, позволяющего «в остатке получить типологические характеристики такого культурно-литературного типа» [2, с. 129]. Большое внимание проблеме типичности гротеска в поэтике литературного произведения уделял Г.А. Недошивин, пытаясь выявить функциональные отличия средневекового и реалистического типов гротеска. По его мнению, у Рабле и Сервантеса гротеск служил «непосредственному, открытому изображению социальной жизни со всеми ее конфликтами, трагедиями, противоречиями» [3, с.203]. В реалистических произведениях он является средством «преувеличения, заострения образа в целях наиболее полного выявления его типичности» [Там же].

Таким образом, гротеск как сложный эстетический феномен, может выполнять в художественном тексте следующие функции: типизации явлений и фактов действительности, преувеличения, иносказания, предвидения, кроме того, большинство ученых отмечают, что он является своеобразным маркером, указывающим на начало формирования новой модели художественного мышления.

Список литературы:

1. Бахтин, М.М. *Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса* / М.М. Бахтин // *Собр. соч.: в 7 т.* – М.: Языки славянских культур, 2010. – Т. 4 (2).
2. Лотман, Ю.М. *О типологическом изучении литературы* / Ю.М. Лотман // *Проблемы типологии русского реализма* – М.: Наука, 1969. – С. 123-132.
3. Недошивин, Г. А. *Очерки теории искусства* / Г. А. Недошивин. – М.: Искусство, 1953. – 338 с.
4. Николаев, Д.П. *Сатира Щедрина и реалистический гротеск* / Д.П. Николаев. – М.: «Худ. лит-ра», 1977.
5. Смирнов, И. *О гротеске и родственных ему категориях* / И. Смирнов // *Семiotика страха. Сб. статей / сост. Н. Брукс, Н. Конт. М.: «Европа», 2005. – С. 204-221.*

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

*Вишневецкая Галина Васильевна,
учитель русского языка и литературы,
МОБУ СОШ №8 им. А.Г. Ломакина, г. Таганрог*

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ ПОДРОСТКА В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация: В данной статье рассматривается вопрос о необходимости введения в школьную программу предмета «Речевой этикет», так как знание норм и правил речевого этикета сегодня очень актуально, и, кроме того, речевой этикет – показатель интеллектуального и культурного развития человека.

Ключевые слова: культура речи, речевой этикет, современный подросток.

«Заговори, чтоб я мог тебя увидеть!». Эти слова, сказанные Сократом, сегодня как нельзя актуальны, поскольку в последние годы наблюдается растущее пренебрежение соблюдением норм культуры речи, этики общения в ежедневной практике взаимодействия людей как на бытовом уровне, так и в письменной и устной речи официальных лиц, а также и в деятельности средств массовой информации.

Одним из основных показателей культуры человека, его интеллектуального развития является язык, степень овладения им, коммуникативная компетенция человека.

Речевая деятельность человека формируется постепенно и её развитие зависит от состояния путей и центров головного мозга и всей высшей нервной деятельности в целом.

Культура речи включает три компонента: нормативный, коммуникативный и этический.

Немаловажным в развитии и становлении подрастающего поколения является последний аспект – этический. В каждом обществе существуют свои этические нормы поведения. Этика общения (речевой этикет) требует соблюдения в определенных ситуациях некоторых правил языкового поведения.

Большое внимание речевому этикету уделяли ученые В.Е. Гольдин, Н.И. Формановская, В.Г. Костомаров. Однако практических разработок для внедрения изучения этого важного в культуре речи пласта в средней школе сравнительно немного.

Речевой этикет – это совокупность принятых обществом правил речевого поведения в соответствующих сферах и ситуациях общения. Речевое поведение регулируется социальной иерархией, национальной культурой и этикетом, ритуалом, воспитанностью языковой личности, постоянной практикой, контролируемой сознанием [1, с.15].

Речевой этикет – неотъемлемый элемент культуры народа, важная часть культуры поведения и общения, продукт культурной деятельности человека. Основным правилам речевого этикета следует целенаправленно обучать в том числе и в школе. Исследования показывают, что современные подростки имеют скудные представления об этикете языка, а ведь словом можно воздей-

ствовать, как жестом или поступком: можно обидеть, оскорбить, а можно поддержать или восславить.

Именно бережное отношение к языку (а значит и к сложившимся нормам литературного языка) – показатель высокой речевой культуры как отдельных носителей языка, так и всего общества в целом.

Человек всегда задумывался над словом, собственной речью, родным языком. А «культура заключается в умении выбрать и уместно употребить только то слово, единственное и важное, которое в данном случае ясней и ярче передаст вашу мысль» [3, 71].

Список литературы:

1. Костомаров, В.Г. *Русский речевой этикет* / В.Г. Костомаров // *Русский язык за рубежом*. – 1967. – № 1. – С.15-19.
2. Костомаров, В.Г. *Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики*. / В.Г. Костомаров. – М.: Гардарики, 2005. – 287 с.
3. Ушакова, О.Д. *Мудрые мысли мудрых людей. Справочник школьника*. / О.Д. Ушакова. – Санкт-Петербург: изд. дом «Литера», 2005. – 137 с.

Хачетлова Сусанна Мухамедовна,
кандидат исторических наук, Кабардино-Балкарский государственный
университет, старший преподаватель кафедры методики
дошкольного и начального образования, г. Нальчик

Кулимова Рима Хусеновна,
кандидат педагогических наук, Кабардино-Балкарский
государственный университет, доцент кафедры методики
дошкольного и начального образования г. Нальчик

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА В ОБРАЗОВАНИИ И ВОСПИТАНИИ ДОШКОЛЬНИКА

Аннотация: Приобщение ребенка дошкольного возраста к художественной культуре имеет важное значение для художественного воспитания личности. Принципиально важно умение на слух различать выразительные детали разных жанров и стилей художественного произведения. Важным компонентом воспитания художественной культуры является восприятие музыкального произведения, художественного текста, танцевальной мелодии, песни на родном и русском языках. Важно научить ребенка умению воспринимать смысл увиденного и услышанного.

Ключевые слова: Особая чувствительность дошкольника к языковым и культурным проявлениям, личная активность, происходят качественные изменения в творческой деятельности, сфера формирования культуры личности, роль театрального искусства в воспитании детей, рисование занимает ведущее место, воспитывать литературно-художественный вкус, развитие воображения и художественного восприятия.

Дошкольный возраст - важнейший этап развития и воспитания личности, наиболее благоприятный для формирования художественно-эстетической культуры, поскольку именно в этом возрасте у ребенка преобладают позитивные эмоции, появляется особая чувствительность к языковым и культурным проявлениям, личная активность, происходит качественные изменения в творческой деятельности (1).

В настоящее время в дошкольной педагогике актуализировались проблемы влияния культуры на становление личности ребенка-дошкольника.

Следует отметить, что приобщение ребенка к миру искусства - изобразительного искусства, музыки, хореографии, театра и музея - может значительно обогатить его духовный мир, расширить горизонты мышления и воображения, а также развить художественный вкус и навыки критического мышления. Художественное образование и воспитание средствами искусства, музейной педагогики – неотъемлемая часть любого полноценного образования. По мнению А.А. Леонтьева, искусство – это то, что обеспечивает цельность и гармоническое развитие личности (2).

Реализация художественного образования в различных видах деятельности предусматривает: развитие интереса к различным видам искусства; формирование основ художественного мышления, эмоционально – чувственного отношения к предметам и явлениям действительности; развитие потребности в художественном творчестве; обучение основам создания художественных образов, формирование практических навыков работы в различных видах художественной деятельности; приобщение детей к лучшим образцам отечественного и мирового искусства, воспитание у детей эмоционально-ценностного отношения к искусству; содействие возникновению у ребенка

уверенности, что продукт его творческой деятельности (танец, стихотворение, рисунок и т.п.) интересен другим (родителям, родным и близким, сотрудникам дошкольного образовательного учреждения и т.п.).

Любой вид искусства - это сфера формирования культуры личности и область освоения культурного наследия во всех формах его проявления: национального, регионального, общечеловеческого, исторического (3).

Ценность искусства в том, что только через произведения человек обретает новый способ видения окружающего нас мира, а "задача занятий искусством: в том, чтобы в ходе занятий дать детям возможность пережить мир по новому, увидеть его с иной точки зрения" (4).

О роли театрального искусства в воспитании детей известно давно. Л. Макаренко называет театр одним из самых любимых зрелищ дошкольников, привлекающий своей яркостью, красочностью, динамикой, доставляющий большое удовольствие и много радости. В кукольном театре дети видят знакомые и близкие персонажи (медведь, заяц, собака и др.), которые оживают, говорят и необычность зрелища захватывает ребенка, переносит в совершенно особый, увлекательный мир, где все необыкновенно, и все возможно (5).

Театр - один из самых демократичных и доступных видов искусства, который позволяет решать многие актуальные проблемы педагогики и психологии, связанные с художественным и нравственным воспитанием, развитием коммуникативных качеств личности, развитием воображения, фантазии, инициативности и т.д.

Существует четыре вида кукольного театра: настольный, пальчиковый, театр кукол типа Петрушки, театр марионеток.

Воспитание театром - это воспитание средствами театрального искусства, посвящение в тайны театра как вида художественного творчества, начинающееся знакомством с разнообразными элементами театральной культуры, к ее традициям, раскрывающимся в той или иной степени в текущем состоянии театрального процесса (4).

Музыкальное воспитание ставит своей целью и задачей развитие в человеке эмоциональной сферы, учит тонкости и разнообразию переживаний, формируя при этом образно-эмоциональное мышление и систему эстетических ценностей.

Музыкальные занятия в детском саду - это, прежде всего, общение детей с музыкальным искусством. Поэтому восприятие музыки, эмоциональный характер проведения всех форм и видов занятий определяет педагогическую задачу музыкальных занятий в детском саду.

В системе "музыка - музыкальный руководитель - дети" руководитель является творческим посредником между музыкальным искусством и детьми. Он помогает своим питомцам выявить связь музыки с жизнью, развивать музыкальное восприятие, ощутить навыки выразительного исполнения (6).

Музыкально - образовательная деятельность включает в себя сведения общего характера о музыке как виде искусства, музыкальных жанрах, композиторах, музыкальных инструментах. Каждый вид музыкальной деятельности, имея свои особенности, предполагает овладение детьми теми способами деятельности, без которых она не осуществима, и оказывает специфическое влияние на музыкальное развитие дошкольников. Важно использовать все виды музыкальной деятельности.

В детском саду рисование занимает ведущее место в обучении детей изобразительному искусству и включает три вида: рисование отдельных предме-

тов, сюжетное и декоративное. Каждому из них свойственны специфические задачи, которые определяют программный материал и содержание работы. Основная задача обучения рисованию – помочь детям познать окружающую действительность, развивать у них наблюдательность, воспитывать чувства прекрасного и обучить приемам изображения, одновременно осуществляется основная задача изобразительной деятельности – формирование творческих способностей детей в создании выразительных образов различных предметов доступными для данного возраста изобразительными средствами.

В результате систематических занятий рисованием формируются воображение и память, развивается мелкая моторика руки и связанные с ней мышление и речь.

Задачи обучения и развития детей средствами изобразительной деятельности.

- Развитие воображения и художественного восприятия.
- Обучение технике работы с различными материалами.
- Ознакомление с изобразительно-выразительными средствами, доступными детям (7).

Художественная литература - важное средство формирования личности ребенка и развития речи, средство эстетического и нравственного воспитания детей. Литература влияет на формирование нравственных чувств и оценок, норм поведения, на воспитание эстетического восприятия и эстетических чувств.

Литература открывает и объясняет ребенку жизнь общества и природы, мир человеческих чувств и взаимоотношений. Она развивает мышление и воображение ребенка, обогащает его эмоции, она воздействует на личность малыша, развивает умение тонко чувствовать форму и ритм языка, дает прекрасные образцы русского литературного языка (8).

Постепенно у детей вырабатывается изобретательное отношение к литературным произведениям, формируется художественный вкус.

В методике определены задачи ознакомления детей с художественной литературой:

- воспитывать интерес к художественной литературе, развивать способность к целостному восприятию произведений разных жанров, формировать эмоциональную отзывчивость на литературное произведение;
- развивать способность слушать литературные произведения разных жанров;
- воспитывать литературно-художественный вкус, способность понимать и чувствовать настроение произведения, принимать участие в рассказывании знакомых произведений;
- улавливать музыкальность, звучность, ритмичность, красоту и поэтичность рассказов, сказок, стихов; развивать поэтический слух;
- развивать интерес детей к детской литературе (8).

Знакомство ребенка с художественной литературой начинается с миниатюр народного творчества - потешек, песен, затем он слушает народные сказки. Дети и сказка - неразделимы, они созданы друг для друга и поэтому знакомство со сказками своего народа должно обязательно, входить в курс образования и воспитания каждого ребенка. Глубокая человечность, предельно точная моральная направленность, живой юмор, образность языка - особенности этих фольклорных произведений-миниатюр. Наконец, малышу читают авторские сказки, стихи, рассказы, доступные ему.

Одним из эффективных средств познания мира ребенка являются музеи. Дети любят тайны, и, имея дело с некоторыми предметами, можно озадачить их вопросом «что это?»).

Музей способен обогатить ребенка впечатлениями от совершенно новых, незнакомых предметов, которые он никогда не встречал в доступной ему действительности. Это необычайно расширяет кругозор, представление о мире, поэтому современные родители стремятся к возможно более раннему приобщению детей к музею. Подмечено, что ребенок лучше усваивает материал, если создаются условия, в которых он через осязание, действия с незнакомыми ранее предметами обогащает свой опыт.

Музей стал источником формирования интереса детей к своему народу, культуре, формирует основу нравственно-патриотического воспитания.

Выделяет следующие педагогические функции музеев: образовательная, развивающая, просветительская, воспитательная (10).

Мультипликация или анимация - это вид современного искусства. Анимация производное от латинского "anima" - душа, следовательно, анимация означает одушевление или оживление. В нашей стране первая студия мультипликации - «Союзмультфильм» появилась в 1936 г. и создавала замечательные, добрые, несущие созидательные идеи мультфильмы-сказки для детей.

Искусство мультипликации представляет собой художественно-организованную действительность, в которой образно, точно, с определенной долей акцентирования представлена некая реальность посредством языковых доминант и изобразительного искусства (11).

Положительное воздействие анимации на дошкольников возможно при условии профессионального подбора мультфильмов, которые могут стать прекрасным пособием для развития мышления, творческого потенциала в занятиях аппликацией, рисованием, лепкой героев мультфильмов, игровыми приемами, развития умений общения и взаимодействия.

Список литературы:

1. Божович Л.М. *личность и её формирование в детском возрасте*. - М.: 2004 г.
2. Леонтьев А.А. *Психология общения*. — 3-е изд. — М.: Смысл, 1999. — 365 с.
3. Выготский Л.С. *Психология искусства* — М., 1987.
4. Соловьева Е.А. *Встреча в гостиной "Театра" // - Дошкольное воспитание*. - 1998. - №4.
5. Макаренко Л. *Здравствуй, театр! // - Дошкольное воспитание*. - 1998. - №4.
6. Ветлугина Н.Н. *"Методика музыкального воспитания дошкольников"* М., 1972
7. Комарова Т.С. *Изобразительное творчество дошкольников в детском саду*. — М., 1984.
8. Токмакова И. П. *Детская литература - первооснова воспитания Дошкольное воспитание*, 1999. № 6. С.14-28.
9. Янаева Н.Н. *Хореография. Учебник для начальной хореографической школы*. — М.: Релиз. - 2004. — 340 с.
10. *Музейная педагогика: Из опыта методической работы / Под ред. А.Н. Морозовой, О.В. Мельниковой*. - М.: ТЦ Сфера, 2006. - 416 с.
11. Бабиченко Д. Н. *Искусство мультипликации*: М.: Изд-во Искусство, 1964.

Чукреева Мария Александровна,
аспирант, ФГБОУ «БГПУ имени М. Акмуллы», г. Уфа

ВИДЫ КНИГ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Аннотация: В статье рассматривается проблема разрыва между многообразием видов книг в современном мире, такими как аудиокнига, вадемекум, электронная книга, и медленным процессом их освоения. Даются определения видов книг с момента их появления и до настоящего времени.

Ключевые слова: аудиокнига, вадемекум, электронная книга, современная культура.

Человек в жизни стремится к тому, чтобы самые необходимые для него вещи находились под рукой. Со временем их определенный набор становится привычным. Одним из таких «спутников жизни» долгое время была книга, которую называли вадемекумом.

Вадемекум (лат. vade tecum, иди со мной) — название книг небольшого формата, карманных, которые имеют при себе как необходимые на каждом шагу руководства; это путеводитель, карманный справочник, указатель [3; 186]. Употреблялось данное слово в Западной Европе, преимущественно в Германии, как заглавие сборника лёгких, весёлых и шуточных мыслей и повестей, служащих для времяпровождения. Впоследствии так называлась почти любая карманная книжка, формат и содержание которой позволяли немцу брать её с собой для собственного развлечения.

Заглавие «Иди со мною» впервые было дано молитвеннику «Vademecum priorum Christianorum» (Кёльн, 1709 г.). В 1764 г. было издано в Берлине «Vademecum für lustige Leute», и вслед за тем — многие собрания немецкого «вицу» (нем. остроумия) с таким названием. Когда в подобных сборниках стали помещаться повести и отрывки, не заключающие в себе немецкого остроумия, то слово «вадемекум» получило другое значение в обществе, и бывший синоним «германского вица» стал равносильным слову «пустяки» [4; 35]. К началу XX века термин «вадемекум» был забыт, но книга по-прежнему осталась спутником человека.

Сегодня ритм жизни современного человека не позволяет уделить много времени на чтение. Однако с постоянной потребностью в новых знаниях человек вынужден обращаться к книге, в том числе и аудиокниге. Аудиокнига как явление культуры формируется медленными темпами. К сожалению, она все еще не получила достаточно широкого распространения. Напрасно, т.к. получить ее можно тремя способами: в магазине на пластиковом диске, в библиотеке (к примеру, фондом аудиокниг располагает Башкирская республиканская специальная библиотека для слепых) или посредством интернет-ресурсов («Аудиокниги онлайн» [1], «Большая библиотека аудиокниг» [2], «Tonebooks» [5]).

Портативная техника позволяет людям слушать аудиокниги в любых жизненных ситуациях: при выполнении монотонной работы, при долгом ожидании или в поездке. Она позволяет облегчить занятие повседневными делами, и в то же время дает возможность знакомиться с творчеством любимых авторов, узнавать что-то новое, коротать время. Пожалуй, аудиокнигу можно назвать новой ступенью развития литературы: она всегда рядом и занимает мало места (компактна); отдельное время требуется лишь для того, чтобы сформировать свою уникальную библиотеку – коллекцию аудиокниг (различ-

ных жанров и авторов: от фантастики до детективного романа, от публицистики до научно-популярной литературы).

Аудиокнига – это новый формат литературы, имеющий свои достоинства. Во-первых, интересный: большинство аудиокниг, которые могут предоставить библиотеки, магазины и интернет-сайты, качественно озвучены. Во-вторых, удобный: аудиокниги – это собрание произведений, коллекция любимых книг на компактном электронном устройстве, которое всегда с человеком, не занимает много места и может регулярно обновляться, накапливаться, собираться в коллекции. В-третьих, доступный: еще примерно двадцать лет назад книги можно было брать в библиотеке или покупать в специализированных магазинах, а сегодня есть возможность копировать аудиокниги в сети Интернет.

Таким образом, к началу XXI века аудиокнига все еще не получила должного уровня распространения. Это связано с двумя факторами: не в полном объеме используются возможности электронных устройств (как правило, исключительно для прослушивания музыкального материала) и все еще бытует в обществе представление о книге только в бумажном виде. Однако аудиокнига как спутник, сопровождающее, образовательное средство со своими уникальными возможностями, функциями может эффективно готовить человека к интенсивно развивающейся современной культуре с ее информационно-коммуникационным характером.

Список литературы:

1. Аудиокниги онлайн / Аудиокниги онлайн. – Режим доступа: <http://abook.fm/>. – (Дата обращения: 23.06.2014).
2. Большая библиотека аудиокниг / Большая библиотека аудиокниг. – Режим доступа: <http://audio-knigki.ru/>. – (Дата обращения: 23.06.2014).
3. Вадемекум: В 2-х т. / Большой энциклопедический словарь: под ред. А. М. Прохорова. – М.: Сов. энциклопедия, 1991. – С.186.
4. Плюшар, А. Энциклопедический лексикон: / А. Плюшар. – СПб.: Типография А. Плюшара, 1837. — С. 35.
5. Tonebooks / Режим доступа: <http://www.tonebooks.com/>. – (Дата обращения: 23.06.2014).

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ОПЫТ РЕГИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

*Харченко Елена Ивановна,
преподаватель музыкального искусства,
Университет им. Б. Гринченка ИППО, г. Киев
(аспирантка НМАУ им. П. И. Чайковского)*

КОНЦЕРТЫ ДУХОВНОЙ МУЗЫКИ В КИЕВЕ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ (1900 – 1917г.) И ИХ ИСПОЛНИТЕЛИ

Аннотация: Статья посвящена исследованию концертов духовной музыки в Киеве в период с 1900-1917 гг. Автор опирается на данные газеты «Киевлянин», по материалу которого делает выводы о программах, жанрово-стилевой номенклатуре исполняемых произведений, самой практики проведения духовных концертов в Киеве по сравнению с аналогичными концертами в России.

Ключевые слова: концерты духовной музыки, или («духовные концерты»), жанрово-стилистическая палитра, исполнители, содержание.

1. Широкая демократизация и профессионализация музыкального искусства: открытие музыкальных школ, театров, появление целой цепочки музыкально-образовательных обществ, развитие композиторского творчества и концертной жизни, особенно бурный в области хорового исполнительства конца XIX – нач. XX века. Постоянное внимание и интерес со стороны слушательской аудитории концертами духовной музыки в городе и их широкая известность. Художественная сторона концертов духовной музыки в Киеве на рубеже веков и практика их проведения.

2. Программы, которые выполнялись на этих концертах: имена композиторов, названия произведений создают достаточно полную картину репертуара духовных концертов Киева этой эпохи и определяют их жанрово - стилевую палитру.

3. Выполнение масштабных произведений украинских и российских композиторов на концертах духовной музыки в Киеве. Важность звучания небольших произведений русских композиторов так называемого «нового направления» в духовной музыке серебряного века – А. Кастальского, А. Архангельского, С. Рахманинова, П.Чеснокова, А. Гречанинова, а также большого количества малоизвестных авторов, имена которых не оставили значительного следа в истории украинской духовной музыки.

4. Выборочный подход к выполнению духовных произведений украинских композиторов. Редкость звучания украинской народной музыки духовно-религиозного содержания, а именно кантов, псалмов, колядок, щедривок. Многообразие жанрово - стилевой палитры духовных концертов: западно - европейского, украинского и русского классицизма, романтизма, русской духовной музыки «нового направления», что хотела воспроизвести некоторые закономерности средневекового духовного пения, связав их с новейшими достижениями современной композиторской техники.

5. Отличие киевских духовных концертов от концертов духовной музыки Москвы и Петербурга, где в то время проходил ренессанс древнего богослужебного пения, который в Украине не выполнялся (возможно из-за того, что еще не был достаточно изученным).

6. А. А. Кошиц, Я. С. Калишевский, Я. Яциневич, П. Г. Гончаров, И. И. Палицын, М. А. Надеждинский – выдающиеся дирижеры того времени, которые руководили концертами духовной музыки в городе Киев. Александр Антонович Кошиц – руководитель нескольких хоровых коллективов Киева. Высокий профессионализм, интеллигентность певцов студенческого хора Университета св. Владимира под руководством А. Кошица при выполнении концертов духовной музыки в культурной среде Киева конца XIX - нач. XX века. Своеобразное кредо дирижера в раскрытии духовной глубины человека через призму выполнения духовных концертов.

7. Яков Степанович Калишевский – руководитель хора Софийского собора и главный дирижер хора Киевского университета. Своеобразный эталон хорового звучания на рубеже веков. Сочетание в своем творчестве пения за богослужением и выступлений на хоровых духовных концертах. Беспрецедентность художественных явлений и их несовместимость с точки зрения тогдашнего духовенства. Неординарная художественная натура маэстро, отвага, разносторонность интересов и инициатив. Я. Калишевский – инициатор возрождения концертов духовной музыки в Киеве.

8. Яков Яциневич – регент хоров Михайловского, Владимирского соборов. Духовно - музыкальное творчество композитора и дирижера известна в формах как уставного творчества («Литургия», некоторые песнопения «всенощной»), так и неуставного (обработки религиозных кантов, колядок).

9. Звучание кантатно - ораториальных произведений Л. Бетховена «Христос на Елеонской горе» и «Сотворение мира» Гайдна на духовных концертах в Киеве под руководством Петра Григорьевича Гончарова. Иван Иосифович Палицын как дирижер и его первый опыт выступления оперного хора на концерте духовной музыки с выполнением специфического богослужебного репертуара. Настоящая новинка и свежее дыхание в истории выполнения духовных концертов Киева.

10. Художественная сторона концертов духовной музыки в Киеве на рубеже веков и практика их проведения. Мастерство ансамблевого строя, гибкость непревзойденного хора Владимирского собора под руководством М. А. Надеждинского.

11. Активное участие в концертах духовной музыки Киева выдающихся певцов международного значения, которые пели во многих театрах мира: Елена Дмитриевна Драгомирецкая (Буланова), Бурская Инна Владимировна, Линская, Липецкий, Цисевич, Внуковский, Тихонов, Каченовский ...

12. Более свободное проведение духовных концертов в Киеве. Софиевский собор, Александро - Невская церковь, костел св. Александра, Киевский городской театр, цирк – основные места проведения концертов духовной музыки. Популярность проведения таких мероприятий в Зале Купеческого собрания – современная Киевская Национальная филармония.

13. В Киеве допускались аплодисменты и вскрик слов «браво», «великолепно», «прекрасно», так же, как и на духовных концертах в западно - европейских странах в отличие от российских концертов духовной музыки.

14. Воплощение национальных черт украинского пения на основе изучения паралитургийных жанров фольклора кантов, колядок, набожных песен переключаются с идеями русского «нового направления в духовном пении».

Концерты духовной музыки и их идея стала своеобразной основой для музыкального творчества выдающихся творцов украинской духовной музыки 20 - х годов XX века – М. Леонтовича, К. Стеценко, А. Кошица.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ КУЛЬТУРЫ (СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ КУЛЬТУРЫ И КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ)

Гальчук Ольга Викторовна,
соискатель кафедры образовательных технологий
в филологии РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург

СОДРУЖЕСТВО ИСКУССТВ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОГО И ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Аннотация: в данной статье в контексте содружества искусств рассматривается урок-моноспектакль «И боль, и вера в счастье...» по поэме А.Т. Твардовского «Дом у дороги», поставленного в Смоленском колледже легкой промышленности и индустрии моды

Ключевые слова: содружество искусств, культура, педагогика, урок-моноспектакль, поэма А.Т. Твардовского «Дом у дороги», балет.

Содружество искусств является актуальной проблемой не только в современных концепциях культуры, но и в педагогике.

Великая Отечественная война в литературе XX века занимает особое место. Литературные образы великого русского поэта XX века А.Т. Твардовского соотносятся с их живописными, музыкальными, театральными, кино- и театральными аналогами, получая на уроке в школе свое осмысление. Поэма «Дом у дороги» о судьбе простой крестьянской семье Сивцовых легла в основу урока-моноспектакля «И боль, и вера в счастье...», поставленного в рамках творческого учебного проекта по литературе). Импульсом к созданию моноспектакля послужил фильм-балет «Дом у дороги» по мотивам поэзии А.Т. Твардовского, ставший выдающимся событием середины 80-х годов прошлого века. Либретто к фильму-балету написал известный ленинградский театральный режиссер Александр Белинский. Главные партии в телепостановке станцевали Ирина Колпакова (исполнительница роли Анны Сивцовой) и Владимир Васильев (исполнитель роли Андрея Сивцова). Танцевальное полотно балета было пронизано пафосом подвига и одновременно мягкой теплотой. «Мечтаю своей музыкой добраться до каждой человеческой души. Меня постоянно свербит боль: поймут ли?» - эти слова Валерия Гаврилина кажутся напрасной тревогой: его музыку не просто понимают, ее любят, знают, изучают, ею восхищаются, ей подражают. И секрет этого успеха - не только в редкостном, уникальном таланте композитора, но и в том, что люди тоскуют по такой именно музыке - доверительно простой и ошеломляюще глубокой. В ней органично сплавлено подлинно русское и общечеловеческое, истины древности и самые болевые вопросы современности, юмор и печаль, и та высокая духовность, что очищает и насыщает душу. Владимир Васильев впоследствии вспоминал о знаменитом «Последнем вальсе» из фильма-балета: «Этот вальс законченный рассказ о судьбе героев, который сам по себе мог стать маленьким балетом. В нем было все: и боль прошедшего, и радость, и грусть, и шутка, отчаяние и надежда, и самое главное для меня - это был вальс Твардовского и о Твардовском. Музыка Валерия Гаврилина, всегда

удивительно мелодичная, всегда идущая от сердца и всегда эмоциональная, оказалась наиболее близка именно этому произведению, но не только «Дома у дороги», а, как мне кажется, душе самого Александра Трифоновича Твардовского, поэта земли русской». Видеофрагменты из балета специальными вставками - проекциями на классную доску - не один раз, по замыслу режиссера, будут прерывать монолог героини ученической постановки. Драматизм поэмы - в переключке мирной и военной действительности. Ее внутренняя музыка, сквозной мотив и звукопись создаёт на сцене иллюзию постоянно меняющейся обстановки при минимуме реквизита и лаконичности декораций. Музыкальное оформление моноспектакля - пронзительная симфоническая сюита Валерия Гаврилина по поэме А.Т. Твардовского «Дом у дороги». Музыка очень точная, лаконичная, без излишеств. Знаменитый лейтмотив лирической поэмы А.Т. Твардовского «Коси, коса, / Пока роса, / Роса долой - / И мы домой», - приобретает в постановке особую роль и как воспоминание о мирной жизни, и как надежда на будущее.

Список литературы:

1. Гальчук О.В. *Спектакль на уроке литературы.* - Смоленск: Маджента, 2013. - 105с.

*Лях Валентина Ивановна,
Краснодарский государственный
университет культуры и искусств,
доктор философских наук, профессор*

КУЛЬТУРОГЕНЕЗ КАК ПРОБЛЕМА ТЕОРИИ И ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

***Аннотация:** Культура прошлых эпох, как сложившаяся и отстоявшаяся форма освоения мира, все больше занимает место в исследовательских изысканиях. Это объясняется тем, что в области гуманитарных наук активизировались процессы научного поиска, формирования нового взгляда на общество, человека - творца культуры, его образа жизни и мировосприятия, духовной и предметно-материальной среды. Культурогенез в рамках теории и истории культуры формируется под влиянием и воздействием культурологических процессов, происходящих в обществе.*

***Ключевые слова:** культура, теория и история культуры, культурогенез.*

Мы живем в то время, когда люди все острее осознают необходимость обращения к прошлому, осмысления своих истоков, возрождения и сохранения лучшего в культурном наследии для понимания своих корней и ощущения себя в истории. Это ведет к осмыслению роли культуры в формировании многослойных пластов истории рассматриваемого региона.

Актуальность и настоятельная потребность в осмыслении культурных истоков народов, выявлении специфики их развития – очевидна. В более широком плане - это создание оптимальных условий для дальнейшего развития культур разных этносов, с учетом их менталитета, традиций, обычаев, психологического склада.

Культура, помимо исторической периодизации и классификации, обладает региональными особенностями, придающими ей специфические черты. Даже независимо возникшие цивилизации находят географическую точку соприкосновения, которая помогает самостоятельному развитию их культур. Актуальность исследования - в «отслеживании» путей становления культур, имеющих единые истоки, но развивающихся благодаря внутренним резервам путем заимствования, т. е. сравнения культур, независимо от их происхождения, способов существования и определения сходного и различного в них.

Предметом детального анализа исследования стал концепт «культурогенез», его философское, культурологическое, историческое, антропологическое осмысление и этапы формирования. Актуальность предпринятого исследования вызвана разнообразием подходов к его изучению в теории и истории культуры.

Выбранный ракурс проблемы исследования делает его методологически заостренным для понимания сущности культурогенеза и его особенностей.

Актуальность исследования определяется логикой теоретического осмысления концепта «культурогенез». Культурные, социальные, гносеологические, исторические и другие факторы развития современного общества соответствуют процессу постепенного отхода от сложившейся схемы формационного метода исследования. Рядом с ним все большее место занимают цивилизационный и междисциплинарный подходы к исследованию культуры.

Культурогенез в рамках теории и истории культуры формируется под влиянием и воздействием культурологических процессов, происходящих в обществе. Это предполагает обращение к детерминантам культуры, находящимся в

его основе. Исследование механизмов возникновения, развития и сохранения культурогенеза имеет большое значение в формировании культуры будущих поколений.

Список литературы:

1. Лях В.И. *Культура Кубани: генезис и структурообразующие элементы. Материалы к лекциям.* – Краснодар, 2009. – 381 с.

Романенкова Юлия Викторовна,
зав. кафедрой изобразительного искусства, Институт
Искусств Киевского университета имени Бориса Гринченко,
г. Киев, Украина

МОЛОДЕЖНОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ КАК СТИМУЛ ДЛЯ АКТИВИЗАЦИИ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация: В материале рассматривается возможность создания молодежных художественных объединений в ВУЗах как форма для активизации творческой деятельности студентов, актуализируется роль арт-куратора в работе с творческим активом студенчества

Ключевые слова: художественное образование, творческое объединение, аукцион, выставочная деятельность, арт-куратор.

Художественное образование сегодня представляет собой сплав из множества интересных нововведений и массы сложнорешаемых проблем. При чем, в большей или меньшей степени эти проблемы применимы ко всем странам постсоветского пространства. Национальная специфика комплекса основных задач художественного образования в России, Украине, Беларуси, безусловно, есть, но линия развития событий, пожалуй, едина. В современном художественном ВУЗе можно выделить целый ряд проблем, решить которые без помощи государства довольно сложно, если не сказать — невозможно. В еще более специфической ситуации оказываются непрофильные учебные заведения, в которых действуют специализированные факультеты или кафедры. Но славянский менталитет имеет свои особенности — мы привыкли к нерешаемым проблемам, «мотив стены» нас не только не останавливает, но и отчасти активизирует деятельность. Поэтому даже те ВУЗы, где уровень материального обеспечения остается ниже среднего, могут похвастаться новыми проектами, идеями, которые вполне в состоянии вывести учреждения, где зародились, на должный уровень по рейтингу, вернуть востребованность специальностей, привлечь внимание молодежи. [1].

Для художественных специальностей на сегодняшний день одной из форм деятельности, которая может стимулировать желание молодежи посвящать свое будущее искусству, можно считать молодежные художественные объединения. Разумеется существуют различные официальные Союзы, ассоциации, куда входят молодые художники, но этого недостаточно для того, чтобы студент, оказавшийся в профильном учебном заведении, чувствовал над собой его опеку и желание помочь реализовать его талант. Да и войти в состав таких Союзов или ассоциаций начинающим дарованиям бывает нелегко. Путь поддержки студентов в период их обучения в ВУЗе методом организации ассоциации или объединения профессиональной направленности нелегко, но крайне желателен. Не секрет, что объем аудиторных часов, выделяемых учебными планами на профильно ориентированные учебные курсы, недостаточен. Внеаудиторные занятия, факультативы не охватывают все те сферы, в которых с будущим художником должен находиться рядом наставник, арт-куратор. Форма молодежного творческого объединения предполагает заполнение всех этих лакун. Принцип, по которому создается такое объединение, — отбор студентов в его состав исключительно по профессиональным каче-

ствам. Основные формы деятельности, в которых объединение призвано помогать студенчеству развивать свой творческий потенциал:

- выставочная деятельность (организация выставок студентов внутривузовского масштаба, как коллективных, так и персональных, что обязует студента постоянно совершенствовать свое мастерство; координация участия студентов в выставочных проектах за стенами своего ВУЗа);

- конкурсная деятельность (координация участия студентов в конкурсах, фестивалях);

- максимальная популяризация творческих наработок членов объединения в печатных изданиях разных уровней, как внутри своей страны, так и за ее пределами (публикации о творческой деятельности членов объединения, их проектах преподавателей, чьи имена хорошо известны в научном мире, что поможет привлечь внимание художественной элиты к начинающим художникам);

- аукционы работ членов объединения (организуются членами объединения, желательно — при наличии — студентами специальностей “Арт-бизнес” или “Арт-менеджмент”, цель — популяризация творчества молодых художников, аукционы предполагают быть преимущественно благотворительными).

Конечно, держась на голом энтузиазме, такое объединение может рассчитывать лишь на участие в нем со стороны кураторов только самоотверженных профессионалов, ставящих перед собой цель максимально помочь студенту войти в мир искусства, сделать его более или менее самостоятельным в области как творчества, так и арт-менеджмента, готовым покинуть стены ВУЗа.

Список литературы:

1. Михайлова И. Подход к проблеме художественного образования с позиций синергетической философии истории//Интеграция образования. - 2008. - Вып. 3. - С. 32-42.
2. Романенкова Ю. Лидеры и аутсайдеры современного художественного образования Украины. Дизайн. Искусствоведение. Реставрация//Материалы II Международной научной конференции [Искусство Евразии — на перекрестке культур проблем регионального искусствознания] — (Уфа, 15 октября 2013 г.). — С. 130-133.
3. Романенкова Ю. К вопросу о подготовке дизайнеров ювелирных изделий в системе высшего образования (на примере Украины)//Социальные трансформации. — 2012. — Вып. 22. — С.153-157.

Садовенко Светлана Николаевна,
заместитель директора по научно-технической работе,
Украинский центр культурных исследований Министерства культуры
Украины, кандидат педагогических наук, доктор философии (PhD),
доцент, старший научный сотрудник, г. Киев, Украина

ОСМЫСЛЕНИЕ ДИНАМИКИ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ

Аннотация: На основе осмысления социокультурных факторов, определяющих специфику генезиса культуры, раскрывается необходимость создания такой культурной среды, формирование которой приведет к образованию новых приоритетов в направлениях культурной жизни и сохранит функции генетического кода национальных культур.

Ключевые слова: культура, современное общество, художественная культура, социокультурное пространство, народная художественная культура.

Изменение познавательных и практических общественных авторитетов неизбежно трансформирует культуру, влечет за собой возникновение новых культурных реальностей и культурных объектов.

Непредсказуемый и динамический характер социокультурных процессов ставит исследователей перед необходимостью вновь обращаться к изучению проблем тех изменений, которые претерпевают культура и общество в условиях современного социокультурного пространства. Этот вопрос актуализируется в ситуации становления культурной парадигмы XXI века и радикального перехода к информационной цивилизации.

Мы сосредоточим свое внимание на некоторых базовых точках, без которых сложно понять ситуацию, характеризующую динамику современной культуры в условиях социокультурной модернизации, протекающей сегодня наряду с глобализационными процессами в общем пространственно-временном континууме большинства современных обществ.

Цель исследования состоит в том, чтобы на основе рассмотрения культуры, как динамически развивающегося, трансформирующегося на протяжении культурно-исторического развития феномена, проследить связь современной и традиционной культур, а так же проанализировать состояние народной художественной культуры, как ядра культуры любого общества, в том числе и украинского.

Как сегмент социокультурного пространства народная художественная культура является сложным многовекторным феноменом, который на современном этапе берет на себя функцию «генетического кода национальной культуры», его исторической и культурной памяти, живого источника познания и самопознания. Взаимодействие художественных и научно-образовательных элементов народной художественной культуры придают познавательным процессам широкий, гибкий, творческий характер, углубляют целостно-личностное отношение к культурным артефактам, способствуют формированию мировоззренческих и ценностно-нравственных основ, эстетического вкуса, потребностей и интересов, идеалов и целей в жизни и профессиональной деятельности [3].

Как мы знаем, на протяжении культурно-исторического развития любой феномен, а тем более народной художественной культуры, динамически развивается, трансформируется, выступая отображением образа общества (М. Вебер), что существенно преобразует жизненный мир человека [2]. Дис-

курс касательно данной проблематики охватывает практически всю историю социально-гуманитарного познания.

Истоки изучения рассматриваемой проблематики в зарубежной науке можно отыскать в философии античности. Мыслителями была выявлена взаимосвязь между спецификой традиционной художественной культуры народов и особенностями окружающей их социальной среды (Аристотель, Гекатей Милетский, Геродот, Платон и др.).

В эпоху Нового времени была сформирована концепция высокой культуры как «второй природы» личности. Культура рассматривалась как некая бинарная оппозиция, сочетающая в себе культуру элит и народную культуру (культуру низов). Позднее исследования названной проблемы обусловили выделение зарубежных и отечественных исследований в направление социального детерминизма (Ж. Боден, Ш. Монтескье и др.), господствовавшее практически до середины XX в. Представители этой концепции обосновывали тезис о решающем влиянии социального фактора на процесс формирования культурных особенностей народов.

Согласно представлениям социального детерминизма, человек – это продукт, с одной стороны, природы, а с другой – общества. Он принадлежит одновременно миру природы и к обществу. В силу этого человек рассматривается как естественное создание и как член общества. Выделение этих двух сторон очень условно и носит абстрактный характер. С одной стороны, естественная составляющая человека сильно социализирована, несет неизгладимый отпечаток культуры, в которой он формируется как личность. С другой стороны, все основывается на биологическом начале: психике, теле.

Проблема социокультурной динамики анализируется с позиций детерминации жизни общества природными факторами. Исследования, проведенные Л. Гумелевым, В. Ключевским, Л. Мечниковым, посвящены выявлению влияния геоприродных факторов на человеческие сообщества.

Осмысление проблемы эволюции народной художественной культуры как многовекторного феномена и переориентации культурных практик социума в целях его эволюции заняло важное место в исследованиях современных украинских ученых (С. Грица, М. Дмитренко, А. Иваницкий, Т. Метельова, И. Петрова, С. Садовенко и др.).

Сейчас украинское общество переживает мощную за всю свою историю трансформацию. Культура, культурное наследие, как факторы социально-исторических изменений оказываются в центре внимания политиков, общественных деятелей, управленцев. Структуры власти различных уровней постоянно обращаются к проблеме сохранения культурного наследия, подчеркивают необходимость принятия мер по предотвращению утраты памятников культуры. Вместе с тем, политика духовного возрождения в случае потери преемственности лучших традиций культуры не сможет быть полностью реализована без сохранения и возрождения историко-культурного наследия Украины.

В современных условиях кризиса культуры нарушаются привычные связи человека с окружающей действительностью. Идет поиск новых взаимоотношений с помощью идентификации, важными средствами которой являются, в частности, этническая принадлежность, язык, народная художественная культура.

Идея возрождения, сохранения и развития украинской народной художественной культуры основана на общечеловеческих ценностях и выдвинута в

качестве одной из установок современной культурной политики Украины, обусловленной рядом обстоятельств, в частности:

- созданию украинской государственности и необходимостью в связи с этим объединения народов на основе новых идеалов, которыми являются ценности народной культуры;

- кризис ценностно-нормативной системы, произошедший в период советской власти, определил обращение к народной мудрости, воплощенной в народной художественной культуре;

- переход от моностилистической культуры к полистилистической, что предполагает признание за каждой региональной культурой ее прав на самостоятельность и создание условий для равноправного сосуществования всех типов культур и множества субкультур, отражающих многообразие самой жизни, стал благоприятным для развития традиционной народной культуры;

- процессы демократизации общества, сопровождающиеся волей мысли и духа, раскрепощением рациональных и эмоциональных начал в человеке, освобождением интеллектуального, духовно-творческого и нравственного потенциала общества, оказываются благоприятными для самоактуализации через традиционные, фольклорные формы художественной деятельности;

- демократические процессы в нашем обществе дают возможность людям разных национальностей вернуться к своим истокам, осознать свою этническую принадлежность, приобщиться к традициям прошлого через возрождение фольклорных форм художественной деятельности, пробуждающие самосознание и помогающие преодолеть состояние смятения, опустошенности, раздвоенности.

В современной ситуации, что сопровождается определенной потерей регулятивных и контролирующих функций культуры, усиливается роль народной художественной культуры, которая веками налаживала отношения между людьми и, пройдя через века, остается актуальной сегодня. Формирование современной украинской культуры через открытость информации сегодня становится объединяющим фактором в вопросе сохранения украинской народной художественной культуры.

В зарубежной социологии культуры проблема взаимодействия культуры и общества, ее парадигмальное осмысление представлены в трудах Д. Марковича, в работах Р. Данлэпа, У. Катонна, Р. Парка, А. Шопенгауэра.

Так, в исследованиях А. Шопенгауэра был обозначен радикальный поворот в осмыслении динамики развития культуры. Направление скептицизма, аргументированное ученым, утверждало, что прогресс культуры несет в себе деструктивное начало, приводя социум к некоторому отрицательному итогу. Ученый называл существующий мир, в противоположность софистическим, как он выражался, представлениям Лейбница, «наихудшим из возможных миров». В основном философском труде ученого «Мир как воля и представление» (1818) всесторонне анализируется концепт «воля к жизни». Именно это качество заставляет биологические системы совершенствоваться. Следовательно, воля, присутствует везде и во всем и является единственным свойством мироздания или самим мирозданием. А. Шопенгауэр утверждает, что в отличие от природной среды, которая избрала биологический вектор эволюции, человеческая раса назначила своей идеалистической опорой разум и рациональность. И своеобразной мембраной между человеком и его неизбежной утилитарной эволюцией выступает именно культура.

С точки зрения А. Шопенгауэра, организм конкретного индивида эволюционирует гораздо меньшими темпами, нежели эволюционирует культура.

Процесс индустриализации, по мнению ученого, сделал бесполезным обучение и совершенствование биологического тела, органов чувств. В результате отставания социальной эволюции индивид выработал в себе способность заменять деятельность собственных органов чувств научными новшествами и техническими приспособлениями. Ученый применял концепт «воли к жизни» и к анализу различных биологических систем. Его исследование доказывает, что опора на разум выступает не только инструментом эволюции общества, а является также и отрицательным итогом, механизмом отключения от базисных актов, названный философом отрицанием «воли к жизни».

Выход из столь удручающей ситуации ученый усматривал в сознательном противостоянии отрицания «воли к жизни». Как это сделать? Отказаться от собственных желаний, умалить потребности и обратиться к творчеству. Таким способом, по мнению А. Шопенгауэра, можно привести существование в состояние благоденствия.

Такая скептическая установка, обоснованная ученым спровоцировала переход научного мышления от изучения доминирующей в конце XIX века проблематики человека как субъекта производства к проблематике потребления. Как естественное существо личность стремится удовлетворить свои естественные потребности и потребляет товары и услуги, которые обеспечивают воссоздание ее физических и психических сил (это, прежде всего, потребление еды, одежды, жилья в пределах минимума, условий отдыха). Ключ к пониманию потребления, даже с целью удовлетворения естественных потребностей, нужно искать в народной художественной культуре, созданной из знаков и символов. Именно в таком контексте рассматривается современная культура Жаном Бодрийяром [1].

Потребление в XXI столетии – это не удовлетворение материальных потребностей. Это жизненная философия, система ценностей, полет самореализации. Это новая религия и идеология основного потребителя – среднего класса.

В центре внимания научной общественности середины XXI ст. стала осознанная деятельность личности по конструированию личной культуры (в широком смысле этого термина) с помощью потребления.

Создавшийся в мире приоритет потребления фактически перекрывает позитивные достижения предыдущих эпох, игнорируя и девальвируя нравственно-этические ценности традиционных культур. Нивелируя сложившийся веками порядок иерархических структур «второй природы».

Нарушения культурной целостности и разрыва органической связи человека с природными основаниями жизни в XXI веке интерпретируется как ситуация отчуждения. Отчуждение – это процесс превращения различных форм человеческой деятельности и ее результатов в самостоятельную силу, господствующую над ним и враждебную ему. Отчуждающий механизм связан с рядом проявлений. Это – бессилие личности перед внешними силами жизни; представление об абсурдности существования; утрата людьми взаимных обязательств по соблюдению социального порядка, а также отрицание господствующей системы ценностей; ощущение одиночества; исключение человека из общественных связей; утрата индивидом своего «я», разрушение аутентичности личности.

Таким образом, культура, как часть социокультурного пространства, испытывает необратимые изменения, которые исходят как от общества, ориентированного на производство, так и от общества, ориентированного на потребление. Задача культур состоит в необходимости создания такой культур-

ной среды, формирование которой приведет к образованию как новых приоритетов в направлениях культурной жизни, так и к сохранению функций генетического кода национальной культуры.

Список литературы:

1. Бодрийяр Жан. Общество потребления. Его мифы и структуры / Жан Бодрийяр. – М.: Культурная революция; Республика, 2006.
2. Вебер М. Избранное. Образ общества / М. Вебер. Пер. с нем. – М.: Юрист, 1994.
3. Поликультурная музыкально-художественная коммуникация [Текст]: монография / Н. И. Ануфриева, И. А. Корсакова, А. И. Щербакова; отв. ред. И. А. Корсакова. – Москва: РГСУ, 2011. – 199 с.

*Юнеева Елена Андреевна,
старший преподаватель,
Волгоградской консерваторий им. П.А. Серебрякова, г. Волгоград*

ВЛИЯНИЕ БАРОЧНЫХ ТРАДИЦИЙ НА ТВОРЧЕСТВО КОМПОЗИТОРОВ XX-XXI ВЕКОВ

Аннотация: Барочные традиции, оказавшие большое влияние на обновление музыкального языка XX века, сообщают множество импульсов для развития музыкальной культуры сегодняшнего дня.

Ключевые слова: музыкальная культура, традиции эпохи Барокко, композиторские школы XX и XXI века.

Эпоха Барокко составила принципиально важный этап в развитии мировой художественной культуры, а в музыке этого времени соединились многие, свойственные ей, эстетические особенности. Сохраняя преемственность предшествующих этапов развития, она многократно проявляется в современной музыкальной культуре, оказывает различные влияния, сообщает множество импульсов для ее развития.

В XX веке музыкальная культура оказалась под мощным воздействием традиций эпохи Барокко, влияние которых можно увидеть в творчестве целого ряда весьма отличающихся друг от друга композиторов.

Интерес к старинной музыке, полифонии, произведениям Г. Перселла (1659–1695) и К. Монтеверди (1567–1643), привел Арнольда Шёнберга (1874–1951) к созданию новой (атональной) музыки, которая постепенно выросла из старой полифонической техники; использовал в своем творчестве такие формы барочной музыки, как пассакалия и канон. [2]. Игорь Стравинский (1882–1971) по мере наступления его неоклассицистского периода обращался к фонду интонаций, приемов и форм Барокко, использовал инвенционную технику старых мастеров, перенимал свойственный им принцип концертности, делая его определяющим в развитии. Проигрывание всегда предшествовало в Стравинского собственно творческому процессу: «Я играю английских верджинелистов с никогда не ослабевающим наслаждением. Я играю также Куперена, кантаты Баха – лишком многочисленными, чтобы проводить различия – еще более многочисленные итальянские мадригалы» [цит. по 1]. В воскрешении приемов Барокко – великой эпохи стилевого брожения – Стравинский искал и находил новые импульсы для развития своих творческих идей. Пауль Хиндемит (1895–1963), музыкальный язык которого впитал в себя разнообразные экспериментальные течения XX века, постоянно обращался к истокам. Музыкальная культура Барокко стала центром его неоклассических пристрастий, выразилась в широком использовании полифонического метода – фуги, пассакалии, техника линейного многоголосия насыщают многие его произведения разных жанров.

В XX веке множество работ было сочинено в стиле «необарокко», сфокусированном на имитации полифонии. Например, итальянский композитор Джачинто Шелси (1905–1988), один из самых экстраординарных музыкантов столетия, крупнейший реформатор музыкального языка второй половины XX века, ориентировался на синтез авангардных поисков с традициями различных культур мира. Идеи Шелси часто проявлялись в виде импровизаций, которые записывались с помощью нанятых переписчиков. Таким образом, Ба-

рокко опосредованно повлияло на композиторскую практику XX века, во многом служа отправной точкой для эксперимента в области сочинения музыки.

В XX веке появились авторы, пишущие исключительно в барочном стиле, например, Джорджо Паккьони (1947) – итальянский композитор, флейтист, кларнетист, и дирижер, действующий профессор флейты в консерватории Дж. Б. Мартини в Болонье (Италия), универсальный исполнитель, гастролировавший во многих странах Европы, где были сделаны многочисленные записи для теле- и радиовещательных станций. Его исследования в области барочного контрапункта привели к попыткам повторить творческий опыт композиторов прошлого с целью использования его современными музыкантами. «Мои усилия сосредоточены на возрождении композиционных приемов прошлого – тех, которые помогли в создании музыкальных шедевров эпохи, чтобы затем перенаправить эту науку в наше время, обогатить технику и выразительные возможности современных музыкантов, дав им то, что было, без сомнения, утрачено в глубине веков» – написал композитор в личной переписке с автором.

Современные композиторы все чаще обращаются к этой эпохе, желая поэкспериментировать и перенести свое мироощущение в старинные и устоявшиеся формы и образцы. Среди таких авторов можно назвать одного из «самых мистических композиторов нашего времени» – эстонского классика Арво Пярта (1935), в творчестве которого сегодня достигает вершин имитационная музыка [3]. В структуре его «Первой симфонии» (имеющей подзаголовки «Полифоническая») две части – «Канон» и «Прелюдия с фугой». Среди других сочинений композитора можно назвать «*Cecilia, vergine romana*» (2002). «*Stabat Mater*» (2008), «*Salve Regina*» (2011) – уже по названиям которых можно судить о степени барочных влияний на его творчество.

Таким образом, мы видим, что рождение и активное освоение новых выразительных средств в XX веке было сопряжено с обращениями разных композиторов к традициям эпохи Барокко. Наиболее ценные обретения эпохи (особенности языка и формообразования, жанрово-стилевые особенности и др.) укореняются в современной музыкальной культуре и дают почву новым традициям. Достояние музыкальной культуры эпохи Барокко становится прочным фундаментом, который держит на высоте различные композиторские школы.

Список литературы:

1. Григорьева М. Дездеальдо и Стравинский. Музыкальный журнал «Израиль XXI века». Электронный ресурс, дата обращения 27.06.14. <http://www.21israel-music.com/SG.htm>
2. Райс М. Арнольд Шенберг – певец непокорной мысли. Музыкальный журнал «Израиль XXI века». Электронный ресурс, дата обращения 27.06.14. <http://www.21israel-music.com/Schoenberg.htm>
3. Цареградская Т. Арво Пярт и феномен «скрытого текста» в его 4-й симфонии. Израиль XXI. Музыкальный журнал. <http://www.21israel-music.com/Part.htm>

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ: СВОЙСТВА И УСЛОВИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

*Вязигина Светлана Юрьевна,
соискатель кафедры филологии и медиакоммуникаций ОмГУ, г. Омск*

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Аннотация: В статье рассматривается феномен современной интернет-коммуникации в рамках одного из наиболее активно развивающихся в наши дни направлений лингвистики – интернет-жанроведения. Обсуждаются наиболее актуальные вопросы данной области, такие как терминологическая неопределенность данного направления, классификация интернет-жанров и принципы их описания.

Ключевые слова: интернет-жанр, интернет-коммуникация, интернет-жанроведение.

На сегодняшний день глобальная сеть является наиболее востребованным средством межличностного общения. Чаты, социальные сети, форумы и блоги трансформируют принятые в устной и письменной речи правила коммуникации, что обусловлено, прежде всего, техническими особенностями этих платформ. В результате таких трансформаций коммуникативное пространство Интернета стало своеобразной жанропорождающей средой, способствующей возникновению новых жанров, свойственных только этой информационной среде.

Для изучения жанрового аспекта интернет-коммуникации была сформирована новая отрасль лингвистики – виртуальное жанроведение. Следует отметить, что в отечественных работах, посвященных изучению жанровой специфики интернет-коммуникации помимо термина «виртуальный жанр» используются также термины «дигитальный жанр», «цифровой жанр», «электронный жанр», «гипержанр», «коммуникативный сервис Интернета», «сетевой жанр», «интернет-жанр», «жанровый формат виртуального дискурса». По мнению Е.И. Горошко, наиболее подходящим в данном случае является именно понятие «виртуальный жанр», как однокорневое по отношению к уже устоявшемуся термину «виртуальное жанроведение» [3]. Однако, по мнению ряда исследователей, термин «виртуальный жанр» не является подходящим. Так, М.Л. Макаров утверждает, что не стоит называть коммуникацию, осуществляемую в глобальной сети, «виртуальной», поскольку она «остается вполне реальным общением, актуализация смыслов в ходе такого взаимодействия не вызывает сомнения» [4]. Схожую позицию выражают Е.А. Баженова и И.А. Иванова, говоря о том, что слово «виртуальный» в составе терминованных понятий «виртуальная коммуникация» и «виртуальный жанр» употребляется в значении «существующий в Интернете», «осуществляемый посредством Интернета». Однако, сема «осуществляемый компьютерными средствами» в большом академическом словаре русского языка (БАС) отсутствует, в то время как сема «гипотетичность, вероятность» входит в оба значения слова. Коммуникация посредством Интернета не является гипотетичной, так как объективно существует. Поэтому, «употребляя слово «виртуальный» в номинации научного понятия мы как будто сомневаемся в существовании изучаемого».

мого явления» [1]. Взамен, предлагается использовать термины «интернет-коммуникация», «интернет-жанр», и «интернет-жанроведение».

По своей сути интернет-жанр является многоуровневым поликодовым образованием, обладающим сложной структурой и состоящим из множества разнородных текстов, поэтому одним из открытых вопросов на сегодняшний день остается вопрос о классификации интернет-жанров. Так, некоторые исследователи предлагают классификацию, основанную в большей степени на технических, а не лингвистических признаках: интенции адресанта (сообщения/общение); структурирование содержания; реальность/ирреальность общения во времени [3]. Согласно этим критериям, к жанрам интернет-коммуникации можно отнести чаты, электронную почту, многопользовательские он-лайн игры, интернет-конференции и т.д. По мнению Е.И. Горошко, ситуация по данному вопросу осложняется с одной стороны, размытостью границ между жанрами интернет-коммуникации в сравнении с реальной коммуникацией, а также – отсутствием единства мнений у лингвистов по составлению «непротиворечивой системы основ» для этой классификации [3].

Еще одним краеугольным камнем в этом направлении является разработка принципов описания интернет-жанров. Зачастую исследователями за основу берется модель речевого жанра Т.В. Шмелевой и трансформируется с учетом специфики интернет-коммуникации [5]. Однако указанная модель уделяет большее внимание прагматическим характеристикам жанра, поскольку она изначально разрабатывалась для речевого жанра. В это же время, для жанра интернет-коммуникации не менее значимыми являются такие характеристики как структура, семантика, поликодовое воплощение интернет-жанра.

Более подходящей моделью, на наш взгляд, является модель, предложенная Л.Ю. Щипициной, так как в ней учитываются не только прагматические, но и медийные, структурно-семантические и стилистико-языковые параметры [6]. Под медийными параметрами в данном случае понимается:

- оформление жанра, т.е. расположение графических элементов программы на экране;
- мультимедийность – одновременная реализация в тексте, графических элементов, звука, видео и анимации;
- гипертекстуальность – особенность построения текста из отдельных, соединенных гиперссылками блоков;
- интерактивность – способность читателя влиять на содержание, внешний вид компьютерной программы;
- синхронность – одновременное создание сообщения и ответной реплики на него;
- количество коммуникантов (межличностная, групповая, массовая коммуникация);
- эксплицированность коммуникантов (открытость или анонимность участников коммуникации);

В заключении следует отметить, что всемирная сеть Интернет представляет широкие возможности для освоения и развития различных интернет-жанров, характеризующихся одновременно высокой степенью гипертекстуальности, интерактивности и мультимедийности. Как научное направление интернет-жанроведение только начинает свое развитие, в связи с чем не угасает полемика среди исследователей по ряду актуальных для данной дисциплины вопросов, таких как: определение и описание виртуального жанра; соотношение и взаимодействие традиционных и виртуальных жанров; разрабо-

танные критерии для классификации виртуальных жанров; описание специфических виртуальных жанров. Все это дает нам право говорить о слабой теоретической и практической разработанности данного направления, а, следовательно, и об актуальности исследований в этом направлении.

Список литературы:

1. Баженова, Е.А., Иванова, И.А. Блог как Интернет-жанр / Е.А. Баженова, И.А. Иванова // Вестник пермского университета . – 2012. - № 4(2). - С. 125-131.
2. Горошко, Е.И. Интернет – жанр и функционирование языка в Интернете: попытка рефлексии / Е.И. Горошко // Жанры речи. Саратов . - 2009. № 6: С. 111–127.
3. Горошко, Е.И. , Жигалина, Е.А. Виртуальное жанроведение: устоявшееся и спорное. [Электронный ресурс] // 2011. - Режим доступа: <http://www.textology.ru/article.aspx?ald=223>, свободный . – Загл. с экрана.
4. Макаров, М.Л. Жанры в электронной коммуникации quo vadis? / М.Л. Макаров // Жанры речи. Саратов: Колледж , - 2005. № 4. С. 336 –352.
5. Шмелева, Т.В. Модель речевого жанра / Т.В. Шмелева // Жанры речи. Саратов: Колледж , - 1997. № 1. С. 88–98.
6. Щипицина, Л.Ю. Жанры компьютерно - опосредованной коммуникации / Л.Ю. Щипицина. - Архангельск: Поморский ун-т, 2009. - 238 с.

Мадиярова Дарья Алексеевна,
студентка 4 к. отделения журналистики,
ФГБОУ ВПО «МГТУ им. Г.И. Носова», г. Магнитогорск

Научный руководитель:
Чернова О.Е.,
к. филол. н., доц. каф. журналистики и речевой коммуникации

ПРОЕКТ ДЕТСКОГО ЖУРНАЛА «МАТРЕШКА»

Аннотация: Автор предлагает проект журнала «Матрешка» для девочек 7-10 лет. Концепция журнала, разработанная с учетом традиций детской периодики, дает возможность сформировать представление о социально и культурно значимой информации.

Ключевые слова: проект журнала, «Матрешка», целевая аудитория, разделы, рубрики, содержание журнала.

В современных условиях «вполне аргументированно можно утверждать, что сегодня именно СМИ воспитывают подрастающее поколение» [1, с.18]. Учитывая масштаб влияния детской периодики на подрастающее поколение, мы предприняли попытку разработать журнал, формирующий «вечные» нравственные ценности, развивающий интеллект, способствующий успешной социализации ребенка.

Своей целевой аудиторией мы выбрали школьников в возрасте от 7 до 10 лет. Этот возрастной период считается наиболее интересным в жизни ребенка, ведь на первый план выдвигается познавательная деятельность. Выбор столь узкой аудитории поначалу может вызвать недоразумение, но это существенно помогло нам ограничить область освещаемых тем и работать с конкретным кругом читателей.

Журнал получил название «Матрешка» – одноименно с символом семьи, девичьей красоты. Обложка включает элементы традиционных русских народных промыслов – хохломы, гжели, мезенской, петриковской и др. росписей. Цветовая гамма обложки будет меняться в зависимости от времени года.

Традиционно русская матрешка вмещает семь фигурок. Считается, что из такого количества составляющих складывается гармоничная личность, обладающая силой, умом, энергией, здоровьем, интуицией, добротой и благородством. Журнал также имеет семь крупных разделов: 1) познавательный (рубрики: «Чудеса природы», «Тайны истории», «Любимый город», «Английская страничка», «Сто тысяч почему», «Почитай-ка!», «Музеи мира», «Книжный шкаф», «Гороскоп», «Калейдоскоп», «Мир удивительных открытий»); 2) новостной (освещение событий городского уровня, интересных для нашей целевой аудитории, интервью, опросы); 3) литературный (стихи, рассказы, повести магнитогорских писателей, творческие опыты наших читателей); 4) развлекательный (ребусы, загадки, игры, раскраски, анекдоты, школа рисования); 5) соревновательный (конкурсы, проводимые нашим журналом); 6) творческий (поделки, оригами, аппликации, эксперименты); 7) раздел для родителей (рубрики: «Воспитание», «Родительские хитрости», «Все о детских капризах», «Куда пойти с ребенком», «Круглый стол», «Школа здоровья»). Каждый раздел располагается на собственном цветовом фоне. Например, познавательный раздел – на светло-синем фоне, развлекательный – на оранже-

вом, раздел для родителей – на сером. Это позволит быстро ориентироваться в журнале.

Содержание журнала направлено на то, чтобы приобщить подрастающее поколение к духовным и нравственным ценностям, сформировать социально активную жизненную позицию ребенка, познакомить с принятыми в обществе манерами поведения.

Список литературы:

1. Бужинская Д.С. Деструктивное отражение ВОВ в развлекательном теледискурсе / Д.С. Бужинская // СМИ и общество: коллективная монография / под ред. О. Е. Черновой. – Магнитогорск: МаГУ, 2013. – 208 с.

Румко Жанна Петровна,
заместитель директора Киевского городского центра народного творчества и культурологических исследований, соискатель, Национальная академия руководящих кадров культуры и искусства г. Киев, Украина

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ УКРАИНСКОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация: В статье исследуется и определяется сущность информационной культуры, рассматриваются ее основные аспекты, культура информационных потребностей, а также пути их реализации.

Ключевые слова: украинская информационная культура; информационная культура личности; информатизация общества; информация.

Социальный прогресс не стоит на месте и одним из основных процессов современного общественного развития является информатизация общества. С середины прошлого века лавинные потоки информации хлынули на человека с таким напором, что воспринимать ее адекватно стало практически невозможно. Это и послужило толчком к началу процесса информатизации, как необходимого фактора для нормальной жизнедеятельности любого человека и общества в целом.

Информатизация украинского общества требует взлома многих стереотипов и «перепрошивки мозгов» и жизнедеятельности в целом. Задача, прямо скажем, не из легких, но справляться с ней и искать методы решения является жизненно важным для построения полноценного информационного общества. Люди должны учиться осваивать навыки целенаправленной работы с информацией. Только в таких условиях можно будет говорить о рождении нового понятия – украинской информационной культуры, как одной из составляющих культуры общенациональной.

Рассмотрим несколько определений, среди которых – информационная культура и информационная культура личности.

М.Г. Вохрышева считает, что информационная культура – это область культуры, связанная с функционированием информации в обществе и формированием информационных качеств личности [1]. За Н.Б. Зиновьевой, информационная культура личности – гармонизация внутреннего мира личности в ходе освоения всего объема социально-значимой информации [2].

Качественной характеристикой жизнедеятельности человека в области получения, передачи, хранения и использования информации, где приоритетными являются общечеловеческие духовные ценности, считает информационную культуру И.Г. Хангельдиева в своей статье «О понятии "информационная культура"» [6].

Интересным, на наш взгляд, является определение понятия «информационная культура» Э.Л. Семенюк. Исследователь определяет ее как степень совершенства человека, общества или определенной его части во всех возможных видах работы с информацией: ее получении, накоплении, кодировании и переработке любого рода, в создании на этой основе качественно новой информации, ее передачи, практическому использованию [4].

Информационная культура характеризует уровни развития конкретных обществ, народностей, наций, а также специфических сфер деятельности (на-

пример, культура труда, быт, художественная культура) [5]. Исходя из того, что украинская информационная культура неразрывно связана со второй (социальной) природой человека, можно с уверенностью сказать, что украинская информационная культура – это этнический и духовный информационный код нашей нации, ставший главным стратегическим ресурсом для накопления, хранения и развития национального сознания.

Ценность (полезность) информации – не зависимо от количества затрат на ее получение – оценивается по тем задачам, которые мы можем решить с ее помощью. *Полнота* – если информации достаточно для понимания и принятия решения. *Актуальность* – если она важна, существенна для настоящего времени. *Понятность* – если она выражена на языке, доступном для получателя. *Релевантность* – степень соответствия информации решаемой задаче.

Отметим, что социальная (общественная) информация имеет семантический (смысловой) характер, т.е. понятийный, так как именно в понятиях обобщаются наиболее существенные признаки предметов, процессов и явлений окружающего мира.

Украинская информационная культура является культурой нового типа и как понятие сформировалось в рамках информационного общества, когда информация стала главным стратегическим ресурсом и были созданы новые технологии для ее хранения, обработки и передачи. К настоящему времени она приобрела теоретическое и практическое значение; стало очевидно, что информационная культура является важной составляющей в жизни современного общества, а также важной характеристикой как отдельного члена общества, так и общества в целом. В рассуждениях об информационной культуре, в зависимости от субъекта деятельности, различают следующие уровни ее бытования: личностный, общественный, профессиональный. Однако в качестве базовых уровней классификации выделяют личностный и общественный на определенном этапе развития общества, в конкретных социально-исторических условиях [3].

Рассмотрение информационной культуры Украины в культурологическом смысле дает возможность констатировать, что украинская информационная культура тесно переплетается со многими другими компонентами – с культурой производственной, технологической, политической, правовой, этической, библиографической и т.д. Все аспекты культуры без исключения неразрывно связаны друг с другом. В этом сложном сплаве свою специфическую, неповторимую роль играет украинская информационная культура. При этом информационная составляющая словно пронизывает все сооружение украинской (как и другой национальной) культуры.

Таким образом, информационная культура личности тесно связана с информационной культурой общества: информационная культура общества формируется человеком, его деятельностью. Информационная же культура самого человека зависит от уровня информационной культуры общества. К настоящему времени стало очевидно, что информационная культура является важной составляющей жизни современного общества, однако еще не приобрела теоретическое и практическое значение. Отсюда возникают первоочередные задачи решения важных проблем украинской информационной культуры, обусловленных, в частности, следующими факторами: потребностями раскрытия содержания информационной деятельности в современных условиях как одного из проявлений общечеловеческих ценностей; исследования структуры информационной культуры как социального (феноменологического) явления; определение перспективы взаиморазвития социального, индивидуаль-

ного, нравственного аспектов информационной культуры и отражения их в праве, в частности относительно правового регулирования общественных информационных отношений; определение основных направлений формирования украинской информационной культуры.

Список литературы:

1. Вохрышева М.Г. *Формирование науки об информационной культуре // Проблемы информационной культуры: Сб. ст. Вып. 6. Методология и организация информационно-культурологических исследований / Науч. ред.: Ю.С. Зубов, В.А. Фокеев. – М.: Магнитогорск, 1997. – С. 57.*
2. Зиновьева Н.Б. *Информационная культура личности: Введение в курс: Учеб. пособие для вузов культуры и искусства / Под ред. И.И. Горловой; Краснодар. гос. акад. культуры. – Краснодар, 1996. – С. 141.*
3. Коряковцева Н.А. *Информационная культура – культура нового типа /Н.А. Коряковцева//Мир библиографии. – 2009. – №1. – С.58 – 67.*
4. Семенюк Э.Л. *Информационная культура общества и прогресс информатики // НТИ. Сер.1. – 1994. – №7. – С.3.*
5. Соснина Т.Н., Гончуков П.Н. *Словарь трактовки понятия "Информация". – 1997. – С. 48.*
6. Хангельдиева И.Г. *О понятии "информационная культура"// Информационная культура личности: прошлое, настоящее, будущее: Междунар. науч. конф., Краснодар – Новороссийск, 23-25 сент. 1993 г.: Тез. докл. – Краснодар 1993. – С. 2.*
7. *Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://jure.in.ua/node/1727>*

*Тибилова Марина Ираклиевна,
старший преподаватель кафедры русского языка,
факультет русской филологии, Северо-Осетинский государственный
университет им. К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ*

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ УПОТРЕБЛЕНИЯ АББРЕВИАТУР В ЯЗЫКЕ СМИ

Аннотация: В статье отмечена роль аббревиатур в языке СМИ, выявлены особенности их функционирования. Рассмотрено, как проявляется номинативная, компрессивная, экспрессивная функции аббревиатур, из чего следует, что в современных СМИ функциональная значимость сокращений увеличивается.

Ключевые слова: лексические инновации, аббревиатуры, лингвопрагматика, номинативная, компрессивная, экспрессивная, функции, языковая игра.

Многообразные изменения общественной жизни во всех ее проявлениях вызвали в конце XX–начале XXI века соответствующий «лексический отклик», что нашло отражение прежде всего в языке газеты [3, с.49; 2, с.163; 5, с.72]. В фокусе ее внимания – политические, экономические, социальные процессы и явления, которые становятся объектом номинации и оценки.

Как известно, основной чертой публицистического стиля является сочетание стандарта и экспрессии. Частотность и периодичность повторных употреблений наиболее удачных, с точки зрения экспрессивности, слов и словооборотов приводят к быстрому переходу экспрессии в стандарт. В связи с этим исследователи отмечают повышение доли экспрессивно-оценочной лексики в языке медиальных средств. Так, Г. А. Домашенко утверждает: «...Наши наблюдения свидетельствуют о непрерывном увеличении экспрессивно окрашенных лексических единиц с отрицательной оценкой в языке газет конца 90-х годов прошлого века и начала XXI века. Это обусловлено реалиями современной действительности, ломкой идеалов, переоценкой ценностей, отсутствием запретов и цензуры...» [6, с.89]. Таким образом, в языке СМИ рубежа веков из двух его составляющих – стандарта и экспрессии – победу одержала экспрессия.

Арсенал экспрессивно-оценочных средств современных масс-медиа очень богат и разнообразен. Известно при этом, что одна из целей СМИ заключается в том, чтобы как можно быстрее, в компактной и в то же время в яркой и выразительной форме донести до читателя (слушателя) свежую информацию и вызвать на нее «запланированную» реакцию. В связи с этим аббревиатуры – обязательный компонент публицистического дискурса.

Общественное сознание, языковой вкус времени отражают следующие инновации, встреченные в языке СМИ и зафиксированные в словарях-источниках.

ВИП: Услуги VIP-такси в последнее время пользуются все большей популярностью (РГ).

Спецназ: Именно такие мужчины идут служить в спецназ (МК).

Сомж: И сам себе я напоминаю БОМЖа. Только с определенным местом жительства. Этаким СОМЖ (КП).

С помощью перечисленных выше аббревиатурных инноваций выражается отношение к тем или иным лицам, предметам, явлениям.

Современные масс-медийные средства демонстрируют расширение

функций аббревиатур.

В коллективной монографии «Русский язык конца XX столетия» Е.А. Земская, обобщая свои наблюдения над словообразовательными процессами, происходящими в конце XX века, пишет: «Аббревиация, возникнув как порождение официально-деловой (канцелярской) и научной сферы речи, вовлекается в фонд экспрессивных средств языка. Подобное функционирование свойственно языку газет и массовой коммуникации, а также живой разговорной речи, жаргонам. При этом ярко обнаруживается связь словообразования с лексикой. Сближение или даже полное совпадение с обычным словом придает аббревиатуре дополнительные коннотации, порождает каламбур, служит средством шутки или иронии, сарказма» [1, с.139]. Умелое обращение с аббревиатурным инновационным лексическим пластом обогащает выразительность газетного текста, а также усиливает его эмоциональное воздействие на читателя.

Средства массовой информации дают интересный материал для изучения такого явления, как языковая игра.

Характерно, что газеты чаще всего прибегают к языковой игре в заголовках – с целью привлечь внимание читателя, заставить читать статью.

Для создания языковой игры могут использоваться разные приемы.

I. Заглавие текста считается его абсолютно сильной позицией, поэтому особую роль аббревиатуры играют именно в этой части текста. В указанной роли аббревиатуры выступали еще в революционный период.

Текст СМИ имеет прагматическую установку, цель которой привлечь во что бы то ни стало внимание читателя. Каждое издание делает это по-своему, руководствуясь своим форматом, однако суть процесса везде остается одинаковой. В заглавиях современных СМИ отмечается тенденция наложения аббревиатуры на целое слово, например: *Самый КAuФный день города, БАМкротство, ВИЧеркнутые дети, ВОЗражения против табака, ГРУстный праздник, Как обьЕГЭрить государство, ПАСЕвная на почве войны*. Такие заголовки статей подтверждают ярко выраженный характер языковой игры. Языковая игра – мощный прием привлечения внимания, борьбы за читательский интерес [7, с.68]. Автору следует лишь правильно им воспользоваться.

Приведем примеры, на наш взгляд, удачной языковой игры в заголовках газет.

Самый СОК! Под конец работы в Госдуму был внесен очень важный законопроект – о Социальном образовательном кредите (МК).

В основе словосочетания «самый СОК» лежит понятие «что-то лучшее, сливки». Содержание статьи и заголовок объединены общей семантикой.

Все не так ГРУстно. Минобороны подтвердило, что в Главном разведуправлении идет масштабная реформа: произойдет изменение структуры ГРУ, будет усилено руководящее звено, укреплены кадры, оптимизирован численный состав подразделений военной разведки (РГ): отсутствие печали, грусти в связи с положительными изменениями в структуре организации.

ПРОрвемся. В ответ на планы США развернуть противоракетные объекты в Европе российское командование приняло решение о вводе в строй ракетных комплексов, способных преодолевать американскую систему ПРО (АиФ): сломить сопротивление кого-чего-либо, в данном случае военное сопротивление США.

Использование аббревиатур в качестве заголовков не всегда удачно:

1) в ряде случаев не удается проследить семантическую связь заголовка и статьи:

НеПРОстое недоверие. Поддержав вотум недоверия большинством голосов, парламент Чехии отправил в отставку кабинет министров премьера Мирека Тополанека... Сейчас происходит попытка примириться с Россией, поэтому вопрос ПРО перестанет быть настолько важным (РГ).

2) наличие в заголовке неблагозвучных сегментов:

Будет ли БАБ учить зулусский?

В статье речь идет о том, будет ли Борис Абрамович Березовский учить зулусский язык. Содержание статьи и заголовок объединены общей семантикой, однако в этом случае автор использует неэтичный заголовок с целью привлечения читательского внимания.

В последнее время все чаще в заголовках статей употребляются иноязычные аббревиатуры. Особенно частотна среди них аббревиатура *VIP*:

VIP-крестьянка. Новым министром сельского хозяйства вместо ушедшего стала глава компании «Росагролизинг» Елена Скрынник (РГ).

VIP-гости. Около 200 VIP-гостей приглашено на этот праздник, где сатирик будет читать свои самые свежие произведения (РГ).

Итак, в заголовках аббревиатуры выполняют тема-рематическую функцию. Они определяют тематическую определенность текста и приобретают дополнительную информативность.

II. Оказиональная, игровая расшифровка общеизвестных аббревиатур, что создает эффект каламбура:

ЖЭУ (Жилищно-эксплуатационный участок) и (Жильцы – это уроды);

МВД (Министерство внутренних дел) и (Меня выгнали из дома);

НЛО (Неопознанный летающий объект) и (Надо литром ограничиться);

УЗИ (Ультразвуковое исследование) и (Ужасно загадочная история).

При использовании необычной расшифровки аббревиатуры происходит переструктурирование компонентов модели, представленной аббревиатурой, меняется и объем эмоционально-оценочного или понятийного компонента. Как правило, экспрессивность усиливается в результате подобной языковой игры.

Большинство подобных наименований несут отрицательную эмоциональную оценку. В этих примерах показательна связь между выбором того или иного концепта для интерпретации аббревиатуры и характером знаний индивида. В данном процессе прослеживается исторически негативный характер указанных компрессивных языковых форм.

III. Сближение аббревиатуры с обычным словом

Своеобразной реакцией на перенасыщение инициальными аббревиатурами, зачастую неудобными в произносительном плане, непрозрачными, трудными для запоминания, является лексикализация аббревиатур, сознательное приобщение их к обычным лексическим единицам. В результате этого в языке активно проявляет себя омоакронимия (или акронимическая омонимия), то есть создание сокращенных единиц – омоакронимов (фонетических дублетов) [4, с.289], которые полностью совпадают по своей фонетической структуре с узуальными словами. Например: *АИСТ* (Ассоциация искателей слов и терминов), *МАК* 1. (Международная академия по качеству), 2. (Морская арбитражная комиссия), *МЭР* (Министерство экономического развития).

В последнее время в газетах все чаще и чаще употребляются подобные аббревиатуры:

Несмотря на то, что УКРОП (универсальный контроль и распознавание отпечатков пальцев) соответствовал заявленным требованиям, руководство им пренебрегало (МК).

Такие проекты, как информационно-просветительская инициатива «Неизвестное российское величие» (НЕРВ), проводимые в Московских школах «Уроки толерантности», международные форумы «Жизнь Народу Моему!», «Неделя толерантности в Европе» делают жизнь безопаснее (РГ).

Появление омоакронимов свидетельствует об одной из возможностей реализации адаптивных способностей системы языка, когда создаются компактные удобопроизносимые единицы номинации.

IV. Ярким приемом «языковой игры» с участием аббревиатур является смешение русского и латинского написания. В одной лексеме происходит совмещение графики разных языков, используются буквы различных алфавитов, что приводит к наложению разных смыслов, усилению значимости описываемого объекта: *WEBSайт, DJ-вокал, DVD-продажи, PR-ход, VIP-вагон*:

PR-директор «Comedy Club Production» Леонид Гаврилюк сообщил «АиФ», что инцидент получился действительно малоприятным (АиФ).

Эта программа-вирус способна собирать информацию о кредитных картах и PIN-кодах к ним (АиФ).

О том, как еще можно просто и удобно положить деньги на телефон, «АиФ» расспросил Александра Поповского, директора «MTS-Россия» (АиФ).

Итак, аббревиатуры-инновации в языке СМИ выполняют номинативно-компрессивную и экспрессивную функции. Они используются для выражения субъективного отношения говорящего к тому, о чем идет речь, к адресату речи. В языке медиальных средств особый интерес представляет снижение аббревиатуры, имеет место нарушение привычной сочетаемости слов, намеренное создание игровых моментов с целью привлечения внимания адресата к информации, при этом осуществляется целенаправленный поиск приемов разрушения привычных языковых структур и связанных с ними стереотипов восприятия.

Список литературы:

Монографии, диссертации:

1. Земская, Е.А. *Активные процессы современного словопроизводства* / Е.А. Земская // *Русский язык конца XX столетия (1985-1995)*. – М.: Изд-во Наука, 2000. – С. 90–141.

2. Манькова, Л.А. *Лингвистическая типология газетных заголовков, 90-е гг. XX в.: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01* / Лариса Анатольевна Манькова; Таврический национальный ун-т им. В.И.Вернадского. – Симферополь, 2000. – 192 л.

Статья из книги:

3. Крысин, Л.П. *Литературная норма и речевая практика газет* / Л.П. Крысин // *Язык современной публицистики*. – М.: Изд-во Флинта, Наука, 2007. – С. 44–52.

Статья из журнала:

4. Липатов, А.Т. *Лексикографическое наследие В.И. Даля и современная отечественная неология* / А.Т. Липатов // *Владимир Даль и современная филология*. – Нижний Новгород, 2001. – Т.1. – С. 286–291.

5. Покровская, Е.Н. *Газета в современной культурно-речевой ситуации* / Е.Н. Покровская // *Русская речь*, – 2005. – № 5. – С. 69–74. Липатов, А. Т.

Статья из сборника:

6. Домашенко, Г.А. *Экспрессивно-оценочная лексика на страницах газет*

/Г.А. Домашенко // Русский язык на Северном Кавказе: Материалы Международной научно-практической конференции. – Пятигорск, 2002. – С.89–91.
7. Федосеева, А.В. К вопросу об удачности языковой игры в текстах СМИ / А.В. Федосеева. Языковая система и речевая деятельность: лингвокультурологический и прагматические аспекты: Международная научная конференция. – Ростов-на-Дону, 2007. – С. 68–72.

Чернова Оксана Евгеньевна,
доцент кафедры журналистики и речевой коммуникации,
ФГБОУ ВПО «МГТУ им. Г.И. Носова», г. Магнитогорск

СКАНДАЛ В АСПЕКТЕ ФРЕЙМОВОГО ПОДХОДА

Аннотация: Статья посвящена изучению жанра «скандал» в аспекте фреймового подхода. Автор описывает слоты и реализующиеся в их рамках коммуникативные тактики фрейма «телевизионный скандал».

Ключевые слова: жанр, фрейм, скандал, слот, программа «Максимум».

В основе жанра часто лежит определенная ситуация, что позволяет рассмотреть жанр с точки зрения фреймового подхода. За речевым жанром «скандала» стоит ситуация общения, которая включает трех участников: S (субъект-агрессор, тот, кто осуществляет скандал); O (объект-пострадавший, тот, кого опозорили); Z (наблюдатель, пассивный, но обязательный участник ситуации). При этом S обладает определенным знанием относительно O.

Как показал анализ записей программы «Максимум» (НТВ), фрейм «телевизионный скандал» открывается слотом «представление ситуации скандала». Он является одним из ключевых при формировании фрейма. Актуализируя его, ведущий, как правило, всегда дает оценку участникам скандала и самой ситуации. Восприятие ситуации через призму оценки делает коммуникативную тактику [1] оценки самой частотной. Однако стоит отметить, что оценивая определенного участника, авторы программы представляют его нам как положительного или отрицательного, промежуточных оценок, как показал анализ, просто не существует. Это обуславливает особое восприятие скандала зрителем: неразборчивый зритель, соглашаясь с автором сюжета, участвует вместе с ним в искажении реальности.

Второй постоянный слот – «Подробности скандала». Он содержит интригующую информацию о героях скандала, к которой зритель не сможет остаться равнодушным. В данном слоте активны тактики оценки, интриги, драматизации, сообщения компрометирующих фактов, придания значимости скандалу. Причем эти тактики используются авторами осторожно и в строго определенном порядке: в начале, середине и конце текста сюжета. Это, на наш взгляд, связано с законами восприятия: известно, что человек лучше запоминает и принимает ту информацию, которая находится в начале и в конце текста. Таким образом, можно говорить, что использование названных тактик в таком порядке способствует созданию манипулятивного эффекта.

После представления ситуации скандала, как правило, следует описание основных участников скандала, их действий. Эту информацию отражают слоты «Характеристика действий участника-агрессора» и «Характеристика действий пострадавшего участника скандала», а также «Интервью с пострадавшим участником скандала» и «Интервью с участником-агрессором». Используемые при этом тактики оценки ситуации, описания личных ощущений участника, косвенной оценки, констатации фактов позволяют наиболее полно представить участников скандала. Заметим, что характеристика участника, даваемая наблюдателем, часто неадекватна, субъективна и способствует «переворачиванию» оценок.

Итак, особое расположение слотов и реализуемых в их рамках тактик оказывает воздействие на зрителя, привлекая его внимание, вынуждая его смотреть сюжет до конца и соглашаться с мнением автора. Данное воздействие на зрителя можно считать манипулятивным.

реть сюжет до конца и соглашаться с мнением автора. Данное воздействие на зрителя можно считать манипулятивным.

Список литературы:

1. Тимонина И.В., Чернова О.Е. Коммуникативные стратегии и тактики : учебно-методический комплекс / сост. И.В. Тимонина, О.Е. Чернова. – Магнитогорск : МаГУ, 2006. – 201 с.

9 785906 616463 >

**ФИЛОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ:
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

*сборник материалов
IX Международная научно-практическая конференция,
г. Махачкала, 18 июля 2014 г.*

Материалы печатаются в авторской редакции

Научно-издательский центр «Апробация» (ООО «Апробация»)
367000, Махачкала, ул. Дзержинского, 17Б, к.4 (Бизнес-центр «Гранд-плаза»)
Тел: 8 (989) 669-15-15

Подписано в печать 04.08.2014. Формат 60×90/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 5,68. Тираж 600 экз. Заказ №163